

М. Бунин

О.И. Капчинский

«ОКАЯННЫЕ ДНИ» ИВАНА БУНИНА

HISTORY
FILES

Олег Иванович Капчинский
«Окаянные дни» Ивана Бунина
Серия «History files»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653884
«Окаянные дни» Ивана Бунина: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-2191-8, 978-5-4444-8071-7

Аннотация

За последние десятилетия об одесском периоде жизни классика русской литературы было написано немало. Однако, авторы, как правило, акцент делали на жизни в городе самого Бунина и его общении с друзьями и знакомыми, большей частью из числа местных и приехавших деятелей культуры, и конечно же на отношении писателя к революции и большевизму, которое, как известно, было крайне негативным. Однако события социальной, политической и военной жизни региона, упоминаемые в «Окаянных днях» и дневниках в основном оставались за пределами публикаций. В связи с этим автор стремится хотя бы частично заполнить вышеуказанный пробел и исследовать некоторые события одесской жизни, нашедшие свое отражение в записках Бунина и его жены, а также те, которым они, уехав в эмиграцию, уже не могли явиться свидетелями.

Содержание

Введение	5
Часть первая. Южная смута	10
«Я здесь жил, знаю город и знаю, что деньги найдутся»	10
«В четыре часа дня начались взрывы»	13
«Пришлось прибегать к исключительным мерам»	19
«Тут была смесь анархистов с уголовщиной...»	23
«Известие об эвакуации произвело в городе неописуемую панику»	29
«...а ведь остальные – полные невежды и мерзавцы»	36
Часть вторая. «Окаянные дни» в Одессе: как это было	41
«Пришло человек шестьсот каких-то „григорьевцев“»	41
«„День мирного восстания“ уже начался, грабеж уже идет»	45
«...опять комиссар и толпа товарищей и красноармейцев»	52
«Работа» в Одесской чрезвычайке «налаживается»	59
«...в эсках нет никакой нужды, потому что собственности больше нет...»	66
«Домбровский арестован, ночью разоружали его части, и была стрельба»	70
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Олег Иванович Капчинский

«Окаянные дни» Ивана Бунина

*Памяти выходца из семьи участников Гражданской войны в
Одессе, историка Леонида Борисовича Яковера, по чьему совету эта
книга и написана*

Введение

В 1918 году, 3 июня по старому стилю и 16-го по новому, в Одессу, занятую германскими и австро-венгерскими войсками, приехала чета Буниных. Здесь в квартире особняка их знакомого художника Евгения Буковецкого на Княжеской улице она пережила смену не одной власти в городе и покинула его навсегда, как и Россию, в феврале 1920 года на греческом судне, взявшем курс на Константинополь.

Как известно, на протяжении большей части совместной жизни Иван Алексеевич Бунин и его супруга Вера Николаевна, урожденная Муромцева, вели дневниковые записи, датируемые в силу неприятия ими советских нововведений и старым, и новым стилем, большая часть из которых была опубликована издательством «Посев» во Франкфурте-на-Майне, а в 2004–2005 гг. переиздана в России¹.

Большая часть одесских дневников Буниных дошла до нас в изложении именно Веры Николаевны. Записи самого Ивана Алексеевича, написанные на отдельных листках, послужили основой для созданных им впоследствии знаменитых «Окаянных дней», датированных только старым стилем и посвященных как одесскому периоду жизни – с 12 апреля до 20 июня 1919 года, – приходившемуся на время ненавистной писателю «красной» власти в городе, так и более раннему московскому – с января по март 1918 года. «Окаянные дни» первоначально были опубликованы в середине 1920-х годов в парижской газете «Возрождение», а затем в 1935 году вошли в X том берлинского собрания сочинений Бунина. На родине же писателя они увидели свет в разгар горбачевской перестройки. При этом в «Окаянных днях» Бунин писал, что одесские записи после 1920 года он «так хорошо закопал в одном месте в землю, что перед бегством из Одессы... никак не мог найти их»². Вера Николаевна в дневниках подробно освещала не только бытовые детали, но и всю атмосферу Гражданской войны в Одессе, в частности смену властей. По справедливому замечанию публикатора дневников – хранительницы семейного архива Буниных Милицы Грин, – написанное Верой Николаевной контрастирует с записями Ивана Алексеевича этого периода, «полными нервного напряжения и ярости»³. В связи с гораздо меньшей эмоциональностью и, наоборот, большей информативностью дневник Муромцевой-Буниной, по нашему мнению, для историка представляется более важным источником, чем «Окаянные дни».

За последние десятилетия об одесском периоде жизни классика русской литературы было написано немало (хотя и, естественно, значительно меньше, чем о дореволюционном и эмигрантском периодах, поскольку время Гражданской войны отнюдь не являлось пиком творчества писателя). Однако авторы, рассказывавшие об одесском времени, как правило литературоведы, акцент делали на жизни в городе самого Бунина и его общении с друзьями и знакомыми, большей частью из числа местных и приехавших деятелей культуры и конечно же на отношении писателя к революции и большевизму, которое, как известно, было крайне негативным. Однако события социальной, политической и военной жизни региона, упоминаемые в «Окаянных днях» и дневниках четы, в основном оставались за пределами публикаций. Более того, иногда в них присутствуют ошибки в идентификации упомянутых Буниными политических деятелей Одессы. Так, в некоторых комментариях к «Окаянным дням» Борис Северный-Юзефович – руководящий одесский чекист, а впоследствии директор патронного завода в Туле, уничтоженный в 1937 году, перепутан с видным профсоюзным работником Иосифом Юзефовичем, расстрелянным в 1952 году по процессу «Еврейского

¹ Устами Буниных. Дневники. Т. 1–2. М., 2004–2005.

² Бунин И. А. Окаянные дни: Дневники, рассказы, воспоминания, стихотворения. Тула, 1992. С. 126.

³ Грин М. От составителя / Устами Буниных. Т. 1. С. 11.

антифашистского комитета», а комендант города и порта, кадровый военный Домбровский – со своим однофамильцем: бывшим театральным антрепренером Домбровским. В связи с этим автор стремится хотя бы частично заполнить вышеуказанный пробел и исследовать некоторые события одесской жизни, нашедшие свое отражение в записках Бунина и его жены, а также те, которым они, уехав в эмиграцию, уже не могли явиться свидетелями.

Нужно отметить, что, в отличие от Москвы, в Одессе Бунины столкнулись не только с негативными эксцессами, свойственными русской революции и Гражданской войне, но и со спецификой южнопортового города, в котором при всех меняющихся властях играли криминал и уголовные элементы, тесно сросшиеся с государственными структурами и являющиеся непосредственной частью местной социально-экономической жизни. Этот фактор еще больше усилил и до того крайне неприязненное отношение писателя к тому, что случилось в 1917 году вообще и большевизму в частности, что и нашло яркое отражение в «Окаянных днях».

В первой половине 2000-х годов автор настоящей книги во время работы в архивах над кандидатской диссертацией, посвященной структуре и кадровому составу ВЧК, одновременно продолжал собирать (в первую очередь в ГАРФе и Российском государственном архиве социально-политической истории [РГАСПИ]) документы, посвященные разным сторонам жизни Одесчины в годы Гражданской войны: деятельности местной ЧК и белых контрразведок, террору, борьбе с бандитизмом, биографиям различных ответственных работников и авантюристов. Появились за это время и некоторые новые опубликованные источники по Гражданской войне в Одессе. Так, например, увидели свет написанные в начале 1920-х годов мемуары последнего начальника белой контрразведки Одессы, более известного как последнего начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева⁴. В результате родился замысел книги, посвященной некоторым аспектам Гражданской войны в Одессе, в частности деятельности спецслужб противостоящих сил Красному и Белому террору, взаимоотношению местного криминала и властей.

Одесской ЧК были посвящены в советское время кандидатская диссертация В. В. Сенюшкина, а в постсоветское – монография И. Н. Шкляева. Сенюшкин, рассматривая партийное руководство чекистскими органами юга Украины, акцент сделал на Одесской ЧК. Автор использовал материалы центральных, республиканских и местных партархивов и некоторые документы из архива Одесского УКГБ. Спецификой использования опубликованных материалов было привлечение не только советской, но и эмигрантской литературы, в частности мемуаров С. М. Устинова «Записки начальника контрразведки», вышедших в начале 1920-х годов. Одесский историк И. Н. Шкляев в монографии об Одесской ЧК⁵ использует немногочисленные сохранившиеся одесские и некоторые московские архивные источники по данной проблеме. Однако количество их все же недостаточно для создания полноценной картины происходящего (впрочем, достаточного их количества, например, в той же Одессе, к сожалению, не сохранилось), а главное, не всегда достаточно критическое отношение к мемуарным источникам, появившимся много десятилетий спустя после описываемых событий. Поэтому не со всеми выводами автора можно однозначно согласиться.

Гражданской войне на Одессине посвятил несколько публикаций и другой одесский историк – В. А. Савченко⁶. В 2000 году вышла его книга, посвященная известным авантю-

⁴ Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.

⁵ Сенюшкин В. В. Руководство Коммунистической партией органами ЧК в период Гражданской войны и иностранной интервенции (по материалам юга Украины. Янв. 1918 – февр. 1922 гг.). Одесса, 1967; Шкляев И. Н. История Одесской губЧК. 1917–1922 гг. Монография. Одесса, 2002.

⁶ Савченко В. А. Авантюристы Гражданской войны: Историческое расследование. Харьков – М., 2000; его же: Мишка Япончик и Атаман Адский. Историческое расследование. Одесса, 2005; его же: Котовский. М., 2010; его же: Неофициаль-

ристам Гражданской войны, как правило, имеющим отношение к Украине. Присутствуют в ней несколько очерков об одесситах. В 2012 году в Москве им была опубликована монография о жизни Одессы в период нэпа, содержащая много интересных фактов и ряд любопытных выводов.

Из публикаций журналистов нужно отметить книги и статьи одесситов Н. А. Брыгина и Ф. З. Зинько, ныне проживающего в Германии. Бывший сотрудник Одесского КГБ, немало сил приложивший для создания ведомственного музея, а одно время возглавлявший и Одесский литмузей, Брыгин в 1960-1980-х годах в местных газетах опубликовал ряд очерков, посвященных одесским чекистам Гражданской войны, из которых наиболее интересный и основанный на архивных документах был посвящен операции против белой разведорганизации Василия Витальевича Шульгина «Азбука». Опубликован он был в номерах «Вечерней Одессы» с 8 декабря 1983 года по 6 января 1984 года, а в постсоветское время переиздан в сборнике, посвященном шульгинской спецслужбе⁷. Зинько в своих сборниках очерков – двухтомном «Одесситами не рождаются» и отдельном, посвященном одесским чекистам⁸ – приводит немало сюжетов как об Одессе Гражданской войны, так и о многих местных деятелях того времени. Многие сведения журналист разыскал в местных архивах, что далеко не всегда характерно для лиц его профессии. Но если на авторов публикаций он часто ссылается, то на архивные документы – нет. Кроме того, у Зинько встречаются непроверенные факты, и публикации последнего изобилуют характерными для местных журналистов «одесскими» литературными оборотами, что, по нашему мнению, снижает их серьезность, которой в целом они отличаются.

Из книг о событиях Гражданской войны на Одесчине советского времени имеют серьезное значение книги одесского историка В. Г. Коновалова⁹. Его книги, несмотря на идеологическую составляющую (без нее они бы просто не вышли в то время), выгодно отличаются обширной фактурой, большим количеством персоналий. Кроме того, автор использует архивные документы (в том числе из закрытых в советское время фондов, ссылки на которые по понятным причинам отсутствуют), а также наряду с коммунистическими материалами противников большевиков, что, во всяком случае для популярных книг, в то время было весьма нечастым явлением.

Немало страниц, посвященных Белому движению на юге России, в том числе в Одессе, можно встретить в работе московского историка В. Ж. Цветкова. В ней он рассматривает особенности функционирования представительной, исполнительной и судебной власти белых, а также разведывательной деятельности Вооруженных сил Юга России¹⁰. В работе другого столичного историка, Н. С. Кирмеля, посвященной белогвардейским спецслужбам, некоторое место уделено деятельности деникинской разведки и контрразведки в одесском регионе¹¹.

Хотелось бы отметить две работы, в которых говорится о правоохранительных органах Одессы времен революции и Гражданской войны. В 2003 году вышла книга одесского журналиста Н. В. Барбашина «Обретение истины»¹². В ней автор на основе воспоминаний и

ная Одесса эпохи нэпа (март 1921 – сентябрь 1929 гг.). М., 2012.

⁷ Брыгин Н. Азбука: Документальное повествование // А-з-б-у-к-а (серия Общества «Одесский мемориал». Вып. IX). Т. 2. Одесса, 2000.

⁸ Зинько Ф. З. Кое-что из истории Одесской ЧК. Одесса, 1998; его же: Одесситами не рождаются. Очерки. Одесса, 2007 (в двух книгах).

⁹ Коновалов В. Г. Схватка у Черного моря. Одесса, 1965; его же: Елена. Одесса, 1969; его же: Красный флаг над Одессой. Одесса, 1977; его же: Подвиг «Алмаза». Одесса, 1989 и др.

¹⁰ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009.

¹¹ Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. Монография. М., 2008.

¹² Барбашин Н. В. Обретение истины. Одесса, 2003.

архивных документов (приводимых, правда, как правило, без ссылок) рассказывает о работе органов охраны правопорядка Одессы с основания города до наших дней. В конце ее приводится разного качества информация о многих должностных лицах, фигурирующих в тексте. Книга снабжена богатым иллюстративным и фотографическим материалом. Однако, как и практически любое издание, охватывающее столь большой исторический отрезок времени, не все периоды описаны достаточно качественно. Так, наиболее интересующий нас период с 1918 по 1920 год описан довольно сбивчиво и посвящен больше событиям Гражданской войны на Украине вообще, чем непосредственно в городе. Достаточно указать, что за этот период не дается никаких сведений (и даже просто не названы фамилии) почти ни об одном руководителе органа правопорядка губернского и городского масштаба.

В какой-то мере компенсировать последний недостаток (хотя бы в отношении советских органов) может вышедший в 2010 году справочник московского исследователя истории органов внутренних дел и госбезопасности К. В. Скоркина¹³. Автор не одно десятилетие собирал в различных архивах сведения о руководителях советских милицеских и чекистских органов послереволюционных лет, сочетая это с детальным изучением периодической печати того времени, на основе чего выпустил несколько книг. В данном справочно-информационном издании Скоркин приводит список руководителей советских административно-милицеских, уголовно-розыскных структур и органов борьбы с контрреволюцией всех регионов с 1917-го по начало 1920-х годов, в том числе и одесского. Крайне полезен был бы этот справочник одесским исследователям, которые, судя по их публикациям, о некоторых своих земляках, вероятно, даже и не знают.

И, наконец, в связи с тем, что южный город в годы Гражданской войны являлся пристанищем многих видных представителей интеллигенции, в частности писателей, хотелось бы отметить ряд публикаций, в которых в той или иной степени освещается одесский период жизни не только Ивана Бунина, но и Максимилиана Волошина, Алексея Толстого, Валентина Катаева, Исаака Бабеля и некоторых других¹⁴. На этом обзор опубликованной литературы по интересующей нас проблематике можно закончить.

Мы ставим задачу показать политические события истории Одессы, свидетелем которых был (или мог быть) Иван Бунин и которые их супружеская чета запечатлела или не запечатлела в дневниках.

Автор отдает себе отчет в том, что Одесса в силу своего географического положения, этнического состава и исторической специфики не была типичным городом Украины, а уж тем более бывшей Российской империи, и то взаимоотношение, те криминальные элементы и многочисленные авантюристы, которые процветали в ней, не могли с таким же успехом или хотя бы такими же методами действовать в других регионах. Однако, как известно, именно на Одесчине в период общероссийской революционной смуты развивались наиболее драматичные события со всеми ужасами и жестокостями, присущими Гражданской войне. В этой связи весьма символично, что Иван Алексеевич Бунин большую часть своих записок о Гражданской войне, озаглавленных «Окаянные дни», посвятил Одессе, в которой он жил с середины 1918 года по начало 1920 года, а название-то было обо всей России. Наконец, не было, по нашему мнению, ни одного города в истории Гражданской войны, о кото-

¹³ Скоркин К. В. На страже завоеваний революции. Местные органы НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923 гг. Справочник. М., 2010.

¹⁴ Бабореко А. К. Бунин: Жизнеописание. М., 2004; его же: Комментарии к «Окайным дням» / Бунин И. А. Гегель, фрак, метель. М., 2003; Михайлов О. Н. Жизнь Бунина. «Лишь слову жизнь дана...». М., 2002; его же: Возвращенный Бунин / Бунин И. А. Окайные дни. Тула, 1992; Пинаев С. М. Максимилиан Волошин, или Себя забывший бог. М., 2005; А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М., 1985; Толстая Е. Д. Деготь или мед: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М., 2006; Катаев В. П. Уж е написан Вертер; Луцки С. З. Реальный комментарий к повести. Одесса, 1999; Воспоминания о Бабеле: Сборник. М., 1989; Крумм Р. Исаак Бабель. Биография. М., 2008; Александров Р. Прогулки по литературной Одессе. Одесса, 1992.

ром не было сложено столько легенд и мифов, как об Одессе. В связи с этим наша задача – разобраться хотя бы с частью из них, отделить, где это возможно, правду от вымысла. Мы надеемся, что это будет нашим, пусть даже очень скромным, вкладом в написание истории русской революции.

Цель данной книги – попытка рассказа не о жизни Буниных в Одессе, а о тех событиях, происходивших в городе, невольными свидетелями которых они являлись, как, впрочем, и тех, о которых могли просто не знать, творившихся различными властными и военными структурами, правоохранительными органами и спецслужбами, в том числе и под покровом секретности. Поэтому наряду с бунинскими дневниками в качестве источников мы привлекаем и другие свидетельства с разных сторон, материалы печати того времени и конечно же сохранившиеся архивные документы, посвященные событиям тех «Окаянных дней».

В сносках содержатся ссылки на архивные и опубликованные источники, а также биографические справки о большинстве лиц, фигурирующих в книге.

В Приложениях даются очерки о сюжетах, либо в основной части упомянутых вскользь, либо не упомянутых вообще, но имеющих отношение к теме исследования, а в отдельных случаях содержащие дополнительные сведения о некоторых лицах, фигурирующих в книге. При подготовке биографических справок (а также сведений аналогичного характера в основном тексте) использованы документы РГАСПИ, в частности, хранящиеся в фонде ЦК КПСС регбланки членов партии, анкеты партийной переписи 1926 года, личные дела работников, снятых с номенклатурного учета, и находящиеся в фонде Коминтерна личные дела сотрудников этой организации, а также опубликованные и электронные источники: справочники и другие работы, содержащие наиболее достоверную информацию¹⁵.

Автор благодарит за предоставленные документы и материалы сотрудников Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, особенная благодарность работникам его читального зала), Российского государственного военного архива (РГВА), Государственного архива Одесской области (ГАОО) и лично исследователей: К. В. Скоркину (Москва), В. Ю. Золотареву (Харьков), И. Н. Шкляеву, Н. В. Барбащину и В. А. Савченко (Одесса).

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9, 99, 100, 109, Ф. 495. Оп. 65а; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987; Политические деятели России 1917 г. Биографический словарь. М., 1993; Центральный Комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): Историко-биографический справочник. М., 2005; Волков С. В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002; Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ: дела и люди. СПб.-М., 2002; Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999; Скоркин К. В. На страже завоеваний революции; его же: Обречены проиграть. (Власть и оппозиция 1922–1934 гг.). М., 2011; и некоторые другие издания; электронные материалы общества «Мемориал»: базы данных «Сталинские расстрельные списки» и «Жертвы политического террора».

Часть первая. Южная смута

«Я здесь жил, знаю город и знаю, что деньги найдутся»

Весть о Февральской революции быстро дошла до Одессы. На улицах города стихийно возникали митинги и демонстрации. На Соборной площади началась самая массовая в истории Одессы демонстрация. Митинг на площади продолжался несколько часов, потом демонстранты прошли по Дерибасовской и направились на Преображенскую улицу к дому № 44, где находился полицейский участок. Демонстранты требовали освободить всех политзаключенных. На следующий день на свободу вышло 1600 узников, в их числе был и отсидевший в тюрьме без малого 10 лет заключенный Мойше – Яков Вольфович Винницкий, вскоре благодаря своим раскосым глазам ставший Мишкой Японцем, или Япончиком, под последней кличкой он вошел в историю. На самом деле и при его жизни он именовался и той, и другой кличкой, в том числе и подписывался обеими, хотя первой – чаще.

Вскоре обстановка в городе начала обостряться. Летом 1917 года на Фонтанской дороге появились курени – военизированные формирования Украинского националистического правительства – Центральной рады, захватившей власть в Киеве. Количество куреней Центральной рады к ноябрю возросло – в районе Одессы их численность составила 10 тысяч рядовых и офицеров. Курени пополнялись за счет зажиточных крестьян из ближних деревень, приходивших подчас с собственным оружием, демобилизованных и беглых солдат, деклассированных элементов с городских окраин. 27 октября 1917 года, когда одесситы окончательно убедились в свержении два дня назад большевиками Временного правительства в Петрограде, комиссар Центральной рады Семен Коморный объявил о переходе власти в городе под власть своего правительства. Однако порядка это отнюдь не добавило.

В. А. Савченко пишет:

«С конца октября в Одессе начали громить винные и спиртовые склады. Погромы эти, то разгораясь, то затухая, продолжались в течение четырех месяцев. Чтобы остановить толпы пьяных, идущих из предместьев громить город, командование применило даже броневики. Были перекрыты улицы, ведущие к окраинам Одессы, и образован „фронт“ против громил. С этой целью власти вызвали пулеметную команду, пожарных, школу прапорщиков. Между тем толпой манипулировали „люди“ Япончика, призывая „арестовать власть и грабить город“. Толпа была остановлена только пулеметным огнем, на земле осталось 12 раненых и двое убитых.

Во время „винного бунта“ Япончику удастся устранить своего конкурента в преступном мире Акулу – Н. Дрогаева – и стравить банды соседних районов – Пересыпи и Слободки. Слободка превратилась в „бандитский фронт“, где „сражались“ за влияние несколько банд (только в ночь на 4 ноября там было обнаружено 11 трупов). В конце ноября 1917 года район Молдаванки, где хозяйничал Япончик, объявил о создании независимой „Молдаванской республики“»¹⁶.

¹⁶ Савченко В. А. Авантюристы Гражданской войны. Харьков – М., 2000. С. 134–135.

Однако, в отличие от того же Петрограда, наряду с винными погромами в Одессе ожидали и еврейских...

Что такое еврейский погром?

До 1905 года погромы организовывались по определенному сценарию. Полицейские инсценировали «возмущенную» евреями народную толпу в виде переодетых в штатское городских, дворников, а также хорошо оплачиваемых городских люмпенов. Власти, стремясь сохранить внешнее приличие, в события не вмешивались, полиция и войска оставались якобы нейтральными. Разъяренная толпа была как бы выражением народного гнева.

Трусливой, уверенной в своей безопасности толпе, полупьяной, а отчасти совсем пьяной нетрудно было противостоять: она разбегалась при первых выстрелах. Погром происходил таким образом: громилы делились на группы, сравнительно незначительные, и каждая направлялась по отдельной улице. Еврейская самооборона при организованной разведке загораживала погромщикам путь, стреляла в воздух, а иногда и в них. Громилы часто разбегались.

В погромах 1905–1907 годов участие властей носит уже более откровенный характер. Как на юге, так и в других местах погромщики были окружены вооруженной полицией, а иногда и солдатами, которые загораживали путь отрядам еврейской самообороны. Прежний тип самообороны – примитивные группы, вооруженные револьверами, кастетами и ножами, – уже не годился для оказания действительного сопротивления. Надлежащий эффект могла произвести лишь самооборона в виде хорошо организованных вооруженных отрядов.

Новая опасность погромов возникла, когда русская армия начала терпеть неудачи на фронтах Первой мировой войны. Еврейский обыватель считал, и не без оснований, что при любом исходе войны демобилизация армии будет ознаменована погромами.

В годы Гражданской войны погромы входили в быт маленьких городов и местечек, затерянных среди украинских сел.

В крупных городах погромы происходили обычно во время смены властей – гетмана, «добровольцев» и других. Старая власть, которая как-то стабилизировалась и на некоторое время устанавливала «порядок», уходила, а новой еще не было. Этим пользовались остатки военных формирований уходивших властей или первые эшелоны приходящей власти. В то же время не хотели упустить свой шанс местные хулиганы, которым часто помогали и жители окрестных сел.

Каждая волна погромов в местечках приводила к переезду в Одессу беженцев, которые оседали здесь у своих родственников и знакомых. Беженцы считали, что в таком большом городе, как Одесса, они спасутся.

Висевшая над Одессой в 1917 году угроза еврейского погрома, исходившая от многочисленных куреней, окружавших город, не осуществилась, в чем, по мнению видного одесского историка С. Я. Борового, была немалая заслуга Мишки Япончика, который активно участвовал в организации отрядов самообороны. Командиром дружины стал прапорщик Срулевич, позднее эмигрировавший, а начальником штаба – прапорщик, художник по профессии Ц. С. Могилевский-Эмский, ставший после Гражданской войны музейным инспектором одесского губполитпросвета, расстрелянный в 1937 году¹⁷.

Нам представляется, что Боровой роль Япончика в создании отрядов еврейской самообороны несколько преувеличивает, но факт остается фактом: крупных погромов в городе действительно в то время зафиксировано не было.

В первой половине января 1918 года на улицах Одессы усилились бои между отрядами Красной гвардии и гайдамацкими куренями Центральной рады. 17 января 1918 года в

¹⁷ Боровой С. Я. Воспоминания. М.-Иерусалим, 1993. С. 76.

городской военно-революционный комитет явились представители всех куреней и заявили о сдаче. В городе была установлена советская власть и не просто советская власть, а Одесская Советская республика, о которой сейчас мало кто помнит. Не каждый одессит знает, что его родной город был когда-то отдельным государством со своим правительством.

Складывающуюся в Одессе ситуацию можно показать на примере одного эпизода, приведенного свидетелем тех событий – юристом, торговцем произведениями изобразительного искусства и коллекционером Владимиром Михайловичем Маргулиесом, делавшим дневниковые записи и выписки из местных газет, которые впоследствии в эмиграции он опубликовал в виде книги. Он описал выступление в городе командующего советскими войсками левого эсера Михаила Артемьевича Муравьева (ныне о жизни и гибели этого военного написано немало). Муравьев прибыл в Одессу в феврале и выступил на заседании городской думы с участием представителей финансовых и торгово-промышленных кругов. Между главой банкирского дома И. С. Ксидиасом (эту фамилию впоследствии использовал Лев Славин в своей знаменитой пьесе «Интервенция» для создания образа одесской банкирши и ее сына) и прибывшим военачальником состоялся разговор следующего содержания:

«Я банкир, но смею все же считать себя другом народа. Во времена царизма я, буржуй и банкир, отдал все свои деньги на газету „Южная мысль“, которая боролась с царизмом. Меня приговорили к тюремному заключению, и я два раза сидел в тюрьме. Поэтому я смею думать, что я такой же друг народа, как товарищ Муравьев. В банках есть чеки, есть ценные бумаги, но нет денежных знаков. Ко времени большевистского переворота в России было денежных знаков на 16–17 миллиардов, из них на Одессу приходится 50–60 миллионов. Деньги эти находятся у средней буржуазии, а также в низших классах, так как капиталисты вкладывают все свои деньги в бумаги. Те, у кого есть наличные деньги, цепляются за них всеми силами, и их трудно у них получить.

Муравьев: Я уверен, что в Одессе все же наберется 10 миллионов. Сговоритесь между собой, давайте чеками, процентными бумагами, чем хотите. Я здесь жил, знаю город и знаю, что деньги найдутся.

Я не позволю пропадать пролетариату, не позволю, чтобы красногвардейцы и флот страдали от безденежья. Даю вам срок с 20 по 23 февраля включительно. 24-го в 12 часов вся сумма должна быть внесена в Государственный банк на мое имя. Вы это сделаете, если дорожите своим спокойствием. Я порядок установлю, все грабители, прикрывающиеся именем анархистов, большевиков, максималистов, будут уничтожены»¹⁸.

В ночь на 14 марта в город вошли немцы и австро-венгры, и республика прекратила свое существование.

¹⁸ Маргулиес В. Огненные годы (Материалы и документы по истории Гр. войны на юге России). Берлин, 1923. С. 87–88.

«В четыре часа дня начались взрывы»

Жизнь в городе входила в свое привычное русло – заработали магазины, ожил знаменитый одесский рынок Привоз, заблестели вымытыми стеклами витрины кафе и ресторанов. Зашумела, забурилась жизнь в известном всему городу кафе Фанкони на углу Дерибасовской и Екатерининской, где собирались маклеры, подрядчики, другой народ при валюте, заходили подчас главари уголовного мира.

В Одессе начала возникать своеобразная обстановка.

В самой фешенебельной гостинице – «Лондонской» – на Николаевском бульваре, в лучших домах на Екатерининской, Ришельевской, Дерибасовской разместились многочисленные высокопоставленные беженцы из Москвы и Петрограда – царские дипломаты, бывшие придворные, генералы, банкиры, дельцы, представители «высшего света». Вся эта «соль» российской аристократии предпочла Одессу другим городам – здесь можно было переждать смуту, а в случае опасности уехать за границу.

Чуть ли не ежедневно собиралась вся эта аристократия в здании купеческой биржи на Пушкинской улице. Здесь произносились длинные речи, в которых, как писала газета «Одесские новости» 22 ноября 1918 года, «высказывалась мысль, что Одессе теперь, быть может, придется сыграть роль собирательницы земли русской, ту самую, какую некогда выполняла Москва».

В августе 1918 года в районе Пересыпи, недалеко от грузового порта, прогремел мощный взрыв – взлетели на воздух склады артиллерийских боеприпасов оккупационных войск.

Взрывы были настолько сильными, что их очевидцами стали многие жители Одессы и окрестностей, в том числе Иван Алексеевич и Вера Николаевна Бунины, живущие в это время за городом на даче Шишкиной. Вот как супруга писателя обрисовала это событие в своем дневнике:

«18/31 августа.

В четыре часа дня начались взрывы. Где – неизвестно. Наверху из западной комнаты было хорошо наблюдать... Сначала появляется огонь, иногда небольшой, иногда в виде огненного шара, иной раз разбрасывались золотые блески. После этого дым поднимается клубом, иногда в виде цветной капусты и дерева с кроной пихты, иногда в виде дерева с кроной пихты <...>.

Из города едут массы народа, платформы полны людьми. Из Люстдорфа многие кинулись спасать вещи... Масса народу с Молдаванки бежит в Люстдорф, на степь. Люди в панике. Говорят, что выбиты окна в высоких домах. Все взволнованы. Рассказывают, что вся Одесса горит, что есть человеческие жертвы.

Весь вечер стояло зарево. Иногда вспыхивали и окрашивали полнеба огненные шары, а секунд через 20–30 доносились раскаты взрыва»¹⁹.

Комиссия, созданная властями для расследования происшествия, сделала заключение, что причиной взрывов был поджог, который одновременно был совершен в двух местах: на заводе Яловики и в хлебном городке, амбары которого вместо зерен содержали склад снарядов, в результате чего погибло в огне 6–7 тысяч вагонов артснарядов²⁰. Отсюда возникла версия, что взрыв 1918 года был организован террористической группой, но при этом

¹⁹ Устами Буниных. Т. 1. С. 156.

²⁰ Правда. 1918. 8 сентября.

неизвестен ее партийный состав: большевистский или анархистский. Одесский же историк Саул Боровой не исключал в качестве причины взрывов простой небрежности²¹. Еще более уверенно о произвольности взрывов писал большевик-подпольщик Иосиф Эммануилович Южный-Горенюк²². На этой личности надо остановиться поподробнее, поскольку он будет неоднократно фигурировать в нашей книге. Южный – это его подпольная кличка. Но и Горенюк не являлась его урожденной фамилией, а лишь переделкой на более украинский манер – Гурунюк. Горенюком же Иосиф записался у воинского начальника, когда в 1915 году призывался в армию, чтобы казаться малороссом, тем более что внешне он на семита не походил. До призыва он, сын веревочника из городка Чуднов Житомирской губернии, был отдан на обучение профессии модельщика в одесское ремесленное училище «Труд», по окончании которого остался работать по специальности в городе. Вернувшись в 1917 году в Одессу, Горенюк вступил в Красную гвардию, после первого захвата власти большевиками в городе стал секретарем комиссариата труда и комендантом местного Совнаркома. Затем с 3-й армией отступал из Одессы. Поработав некоторое время в Москве трудовым инспектором, он третий раз отправился в Одессу, на сей раз на подпольную работу. Первоначально теперь уже Южный был связан с группой партийных разведчиков, добывавших сведения военного и политического характера, а затем из знакомых ему товарищей из дружины социалистической рабочей молодежи он сформировал самостоятельную городскую разведку, которую и возглавил. Относительно одесских взрывов он вспоминал:

«По заданию подпольного обкома, в частности, добывались сведения для готовившегося взрыва снарядов, хранившихся в пороховых складах, однако взрыв не был произведен большевистской организацией. Взрыв произошел по вине австро-германского командования, которое в предвидении предстоящей эвакуации Одессы приступило к уничтожению снарядов. При этом не была учтена сила детонации. Начались последовательные взрывы на складах, расположенных на близком расстоянии. Взрывы причинили большой ущерб не только городу и населению, но и австро-венгерским войскам. Об этом свидетельствовали донесения разведчиков и масса трупов немецких солдат, вывозимых

²¹ Боровой С. Указ. соч. С. 74.

²² Южный-Горенюк (настоящая фамилия – Гурунюк) Иосиф Эммануилович (1894–1980). Большевик с августа 1917-го. Родился в городе Чуднов Житомирской губернии в семье ремесленника-кустара. По окончании ремесленного училища работал модельщиком в одесских мастерских. В 1915–1917 гг. рядовой пехоты 37-й дивизии Юго-Западного и Румынского фронтов, где в 1917-м избран секретарем солдатского комитета. Затем был красногвардейцем в Одессе. В январе-апреле 1918-го – секретарь комиссариата труда и комендант местного Совнаркома в Одессе, начальник санчасти 3-й Революционной армии. В мае-июне 1918-го – работал в Москве инспектором рабочего контроля райотдела труда. Затем вернулся в Одессу, где в июле 1918 – апреле 1919-го – руководил подпольными партийными городской контрразведкой и областной разведкой. С апреля по май 1919-го – член коллегии Одесской губчека, заведующий агентурно-инспекторским отделом, руководитель разведработы против григорьевцев. Затем был секретарем Пересыпского райкома партии, помощником комиссара полка 51-й дивизии на Екатеринославщине и там же был на подпольной работе. С апреля 1920 года – на прежней партийной должности в Одессе. С декабря 1920 по апрель 1921 г. – начальник спецотдела и член коллегии Одесской губчека. Затем до конца года был председателем Тираспольской уездчека и начальником Особого отдела охраны румынской границы. В 1922 г. приехал в Москву и стал работать инспектором в топливном подразделении Наркомабкраина. Затем был начальником отдела личного состава и комендантом ГУМа. В 1924–1927 гг. учился в Московском промышленно-экономическом институте. В 1927–1937 гг. был помощником директора ЦАГИ, членом правления советско-шведского объединения «Шарикоподшипник», начальником управления иностранной техпомощи машобъединения ВСНХ, директором Московского велозавода, начальником производственного сектора Главвоздухфлота, директором завода испытательных приборов и счетно-аналитических машин. В июле 1937-го в административном порядке сослан в сельскую местность Богучанского района Красноярского края. По отбытии ссылки в 1940 г., получив «минус» в местах проживания, стал работать экономистом в Калуге. Затем находился на хозяйственной работе в угольном тресте в Пермской области. Реабилитирован в 1955-м. С 1955-го – персональный пенсионер союзного значения. Умер в Москве.

из района взрыва в те ночные часы, когда движение по городу было запрещено»²³.

Взрывы дали серьезный повод властям для усиления режима.

В частности, 13 октября Осведомительным отделом Державной варты (так с правления гетмана Скоропадского на Украине стала называться милиция) была арестована на своем заседании группа большевиков-подпольщиков и членов так называемого Молодого революционного интернационала (так называлась нелегальная организация, состоявшая из членов молодежных течений левосоциалистических партий), в том числе и Южный, которые были отправлены в участок Бульварного района, а затем и в Одесский тюремный замок²⁴. Однако гетманская варта начала усиленное преследование не только подпольщиков, но и видных деятелей уголовного мира. Были арестованы отец Винницкого и один из младших братьев Идель. Но самому Япончику удалось скрыться.

В рассказе Бабеля «Король» из «Одесских рассказов» Бенья Крик с товарищами поджигает полицейский участок и освобождает арестованных. Событие, связанное с освобождением заключенных, было и в жизни Мишки Япончика, и Бабель, несомненно, о нем знал. Но писатель изменил время действия – перенес его в дореволюционное время и придал этой истории трагикомический одесский колорит, свойственный всем рассказам великого писателя.

А в реальной жизни освобождение арестованных, в котором принимал участие Мишка Япончик, было связано с более трагическими событиями, и происходили они при смене не участкового пристава, а всей власти в Одессе...

Ноябрьским вечером 1918 года в одесской гостинице «Пассаж», получив шифровку о начавшейся в Германии революции, застрелился командующий кайзеровскими оккупационными войсками фельдмаршал фон Бельц. Войска оккупантов начали покидать город. Последние части ушли из Одессы 26 ноября 1918 года. Буквально на следующий день одеситы увидели на внешнем рейде флот Антанты – 10 линкоров, 9 крейсеров и 10 миноносцев. Командовал союзной эскадрой вице-адмирал Амет. Сухопутные войска Антанты в составе 3 дивизий, румынских подразделений, союзных подкреплений на Ближнем Востоке, колониальных войск вошли в город 17 декабря 1918 года. Однако сразу после ухода оккупантов, но перед высадкой интервентов город заняли петлюровцы. И именно во время смены властей произошло одно событие, отразившееся на дальнейшей биографии Мишки Япончика.

Вера Николаевна Муромцева-Бунина записала в своем одесском дневнике 29 ноября (12 декабря по новому стилю) 1918 года:

«Мы в республике. Петлюровские войска вошли беспрепятственно в город <...>. По последним сведениям, Гетман арестован (эти сведения оказались неверными. Гетману Скоропадскому, как известно, удалось бежать. – **О. К.**). Киев взят. Поведение союзников непонятно. <...> Сегодня вместе с политическими выпущено из тюрьмы и много уголовных. Вероятно, большевистское движение начнется, если десанта не будет»²⁵.

1 декабря 1918 года по железной дороге прибыл эшелон сербских войск, а 3 декабря – отряд польских легионеров. 11 декабря войска Украинской Директории (националистический орган власти, образованный 14 ноября 1918 года в г. Белая Церковь, командующим войсками которого, а затем и руководителем был СВ. Петлюра) захватили железнодорожную станцию Одесса-Главная, вокзал и весь прилегающий район. Находившиеся в городе дру-

²³ НИИЦ «Мемориал». Ф. 2. Оп. 1. Д. 143. *Южный-Горенюк И. Э.* Автобиография и краткие воспоминания. С. 42.

²⁴ Там же.

²⁵ Устами Буниных. Дневники. М., 2004. Т. 1. С. 165.

жины белогвардейской Добровольческой армии сдали им центр города, заняв зону в районе улиц, примыкающих к порту.

12 декабря 1918 года, в момент перехода центра Одессы в руки войск Директории, в цирке (Коблевская, 25) состоялся митинг рабочих. На нем от имени большевиков под фамилией Петров выступил Иван Евдокимович Клименко²⁶. Он призвал освободить политических заключенных.

Бывший командир партизанского отряда, действовавшего в районе города, Филипп Анулов (Френкель)²⁷, вспоминал спустя несколько лет после этого памятного события:

«С криками: „В тюрьму!“ толпа выходит на улицу. Замелькали на поясах и в оттопыренных карманах револьверы и бомбы... Толпа направилась к близлежащему бульварному участку (Преображенская, 44). Здесь все политические арестованные были освобождены, после чего толпа по Большефонтанской дороге направилась к тюрьме...»²⁸.

На подходе к тюрьме к демонстрантам присоединилась толпа из четырехсот вооруженных людей. Это были одесские налетчики, спешившие, пользуясь случаем, освободить своих товарищей.

Анулов писал далее:

«...Во главе толпы налетчиков стоял легендарный и неуловимый бандит Мишка Японец, вооруженный, как и все бандиты, с ног до головы.

Толпа потребовала открыть тюремные ворота. Охрана тюрьмы это приказание исполнить отказалась. Тогда толпа разоружила внешний тюремный караул и избивала часового прикладом. Кто-то подал мысль – взорвать ворота бомбой. Раздались крики: „Назад! Назад!“. Толпа подалась. Бомбометчик вышел вперед и бросил в ворота гранату Новицкого. Другие последовали его примеру. Ворота рухнули, и толпа хлынула во двор тюрьмы.

В это время к тюрьме начали подходить рабочие с митинга. Их встречал Клименко и пояснял происходящие вокруг тюрьмы события. Решили ограничиться освобождением политических заключенных. Была выделена необходимая группа рабочих. Она и освободила политических.

²⁶ Клименко Иван Евдокимович (1891–1937). Большевик с 1912 г. Родился в крестьянской семье в Нежинском уезде. Работал наборщиком в киевских типографиях. Вел нелегальную работу в Киеве, Полтаве и др. городах, подвергался арестам и высылкам. В том числе в Нарымский край. В 1917 г. – председатель союза печатников в Киеве. В начале 1918 г. – красногвардеец завода «Арсенал». В марте-апреле 1918 г. – член ЦИК Советов и Наркомтруд Украины. Затем – член подпольного партийного областкома в Харькове. С сентября 1918 по апрель 1919 г. в Одессе член областкома партии и председатель нелегального ревкома. В апреле-мае 1919 г. зампред, а в мае-августе 1919 г. – председатель Одесского губисполкома. С 5 октября по 1 декабря 1919 г. – комиссар 45-й дивизии. В декабре 1919-го на участвовал в формировании советских органов Украины в Новозыбкове. В январе-марте 1920 г. – зампред Киевского губревкома и председатель губкома партии. В марте-мае 1920 г. – зампред, а в мае 1920 – марте 1921-го – председатель Одесского губисполкома. С марта 1921 председатель Екатеринославского губисполкома. С 1922-го – Наркомзем Украины. В 1925–1927 гг. – секретарь ЦК КП(б) У. В 1925–1934 гг. – кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1927–1929 гг. – зам. наркомзема РСФСР. В 1929–1930 гг. – зам. Наркомзема СССР. В 1930–1934 гг. – начальник Среднеазиатской и Рязано-Уральской железных дорог и одновременно в 1931–1934 гг. – член коллегии НКПС. В 1934–1937-х – замначальника Главзерна Наркомзема СССР. Арестован в мае 1937-го. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР в ноябре 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

²⁷ Анулов Филипп Анастасьевич (Френкель Филипп Ефимович) (1897–1938). В 1917–1918 гг. левый эсер, с 1918-го – большевик. В 1918 г. вступил в Одесскую красную гвардию. В период австро-германской оккупации руководил действиями вооруженных повстанческих отрядов. Во время иностранной интервенции – начальник штаба подпольного ревкома. С апреля 1919 г. – военный комиссар Одесского Совнаркома. С июля 1919 г. – секретарь Совета обороны Одессы. В августе – сентябре 1919 г. – командир особого полка 45-й дивизии, а затем особого полка Южной группы войск 12-й армии. В 1923 г. по линии Разведгруппы нелегально работал в Германии. С 1924-го – на военно-преподавательской работе. Полковник.

²⁸ Анулов. Ф. В подполье интервенции / Черная книга: Сб. ст. и материалов об интервенции Антанты на Украине в 1918–1919 гг. Екатеринослав, 1925. С. 319–320.

Со своей стороны Мишка Японец освобождал уголовных. Вскоре тюрьма опустела...»²⁹.

Начальник тюрьмы заперся во дворе в тюремном сарае. Уголовники бросились к сараю, обложили его соломой, облили некоторые места керосином и подожгли.

При штурме тюрьмы были освобождены видные одесские большевики Николай Голубенко³⁰, Наум Соболев и некоторые другие³¹.

Среди освобожденных не было Иосифа Южного-Горенюка – руководителя подпольной партийной разведки в городе. Он был отпущен на свободу за несколько дней до этого за полученное от подполья взятку в 30 000 рублей, переданных его женой Розалией Яковлевной Сапириштейн следователю Державной варты³² (напрасно только деньги потратили, все равно вскоре пришло бы бесплатное освобождение).

Власть менялась, немцы покидали Украину, на Одессу наступали петлюровцы, и полноценного контроля за честностью своих сотрудников вартовое руководство осуществлять уже не могло. (Позднее уже белые власти «перевели» название Державной варты на русский язык, и она стала именоваться, как и в других городах и губерниях юга России, Государственной стражей.)

Южному была известна одна деталь, касающаяся участия Мишки Япончика в штурме тюрьмы, о которой не знал Анулов. Вот что он писал в одном из вариантов своих воспоминаний:

«...Мишка Япончик... освободил своего отца и младшего брата. Этот факт, мне лично известный, так как некоторое время Винницкие, отец и сын, были посажены в нашу так называемую пересыльную камеру, показывает, что не так всесилен был Мишка Япончик. Без помощи рабочих он не смог бы освободить из тюрьмы своего отца и младшего брата...»³³. Действительно, пик власти «короля» преступного мира Одессы наступит несколько позже.

«Сидим дома, так как на улицах стреляют, раздевают, – записала в дневнике Вера Муромцева-Бунина. – Кажется, вводится осадное положение, выходить из дому можно до девяти часов вечера. Вчера выпустили восемьсот уголовных...»³⁴.

Еще более красноречиво о последствиях штурма тюрьмы свидетельствовал Филипп Анулов:

«...Через несколько дней город почувствовал результаты разгрома тюрьмы. Грабежи и налеты приняли чудовищный характер. Освобожденные уголовные „работали“ после тюремного отдыха... Интересно отметить, что в своей „работе“ уголовники выдавали себя за экспроприаторов

²⁹ Там же. С. 320–321.

³⁰ Голубенко Николай Васильевич (1897–1937). Большевик с 1914 г. До 1918 г. работал слесарем на киевских заводах. В начале 1918 г. формировал советские воинские части в Киеве. В 1918–1919 гг. – комиссар партизанского отряда и полка на Одессине, член Областкома компартии. С 15 апреля по 3 июня 1919 г. – член РВС 3-й Украинской армии. С 24 июня по 5 октября 1919 г. – комиссар 45-й дивизии. С октября 1919-го комиссар и комбриг 135-й бригады. В 1921–1925 гг. – секретарь Киевского губкома партии, член президиума губисполкома. В 1924–1925 гг. – на работе по линии Коминтерна в Югославии. В 1925–1926 гг. – председатель Ромненского окрисполкома. В 1926–1928 гг. активно участвовал в троцкистской оппозиции, за что в 1928 г. был исключен из партии, а восстановлен спустя два года. В 1926–1933 гг. – на руководящей хозяйственной работе на Украине. В 1933 г. – предгорисполкома Днепропетровска. Затем – начальник строительства коксохимического завода в Днепродзержинске. Арестован в июле 1936 г. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР в марте 1937 г. Реабилитирован в 1957 г.

³¹ Анулов Ф. Указ. соч. С. 321.

³² НИИЦ «Мемориал». Ф. 2. Оп. 1. Д. 143. *Южный-Горенюк И. Э.* Автобиография и краткие воспоминания. С. 45.

³³ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 2. Книга поступлений № 7303. Л. 103–104.

³⁴ Устами Буниных. Т. 1. С. 165.

– анархистов. Это сильно смущало одесскую федерацию анархистов. Последняя вынуждена была публично отмежеваться от грабежей и разбоев, творящихся в городе от их имени...»³⁵.

³⁵ Анулов Ф. Указ. соч. С. 321.

«Пришлось прибегать к исключительным мерам»

В декабре 1918 года Одессу заняли войска французских интервентов, в том числе колониальные части, также воинские части греков и представителей ряда других государств, сотрудничавших с Антантой. Иностраным экспедиционным корпусом командовал французский генерал д'Ансельм. Такого странного причудливого смешения рас, лиц, языков Одесса еще не знала. Город стал фактически разделен на многие части, каждая из которых контролировалась представителями иностранных держав, добровольцами Деникина и в меньшей степени петлюровцами.

Все это нашло подробное отражение в дневниковых записях Муромцевой-Буниной:

«2/15 декабря.

Пошли все гулять... На Дерибасовской много народу. Около кафе Робина стоят добровольцы. Мы вступили во французскую зону. Дошли до Ришельевской лестницы. На Николаевском бульваре грязно, толпится народ... На бульваре баррикады, добровольцы, legionеры...

5/18 декабря.

С утра идет сражение: трескотня ружей, пулемет, изредка орудийные выстрелы... Петлюровцы с польскими войсками и добровольцами. У нас на углу Ольгинской стоят петлюровцы.

6/19 декабря.

Вчера весь день шел бой. Наша улица попала в зону сражения. До шести часов пулеметы, ружья, иногда орудийные выстрелы. На час была сделана передышка, затем опять. Но скоро все прекратилось. Петлюровцы обратились к французам с предложением мирных переговоров. Но французы отказались, так как петлюровцы пролили французскую кровь. „Мы сюда явились на помощь, – сказали они, – а нас встречают огнем“...

Сегодня проснулись рано. На Дерибасовской встретили двое дрог с убитыми петлюровцами... На почте развеялся русский флаг – увидеть его было радостно. Добровольцы очень статные, с хорошей выправкой – я отвыкла видеть подобных людей. Старые генералы наравне с молодыми таскали различные вещи. Потери у добровольцев очень большие. Ян (так Вера Николаевна на восточноевропейский манер на протяжении всей супружеской жизни называла мужа. – **О. К.**) был очень взволнован. Он сказал, что за два года это первый день, когда чувствуешь хоть луч надежды. Его очень трогает самоотверженность добровольцев.

По народу идет слух, что еще вернутся петлюровцы, соединяясь с немцами, и тогда все будет хорошо. Вероятно, это работа большевиков»³⁶.

Вполне естественно, что подобная властная неразбериха вызвала резкое ухудшение криминогенной ситуации. Газета кадетского направления «Одесский листок» 13 февраля 1919 года писала:

«Наступает ночь, и Одесса погружается во власть тьмы. Тьма на улицах, тьма в домах. Бандитизм, налеты стали бытовым явлением. Сидишь в темной нетопленной комнате и наслаждаешься звуками стрельбы из разных видов оружия, которая разражается у тебя под окнами».

³⁶ Устами Буниных. Т. 1. С. 166–168.

Начальник одного из уездов Одесчины того времени Владимир Майбородов впоследствии писал:

«В это время я, живя в Одессе, видел, что, несмотря на то что город был наполнен иностранными войсками, что приступили к формированию русских воинских частей, происходит что-то неладное, порядка, который был при немцах, не было: по вечерам раздавалась по улицам стрельба, никто за этим не наблюдал и не старался этого прекратить. Были также постоянные случаи ограбления на улицах прохожих, налеты на квартиры и т. д. Одним словом, чувствовалась слабость власти»³⁷.

Преступность в городе приобретала угрожающие размеры, и нужно было принимать какие-то меры. И они были приняты. Об этом свидетельствовал очевидец тех событий генерал-майор Константин Глобачев, чьи мемуары, написанные в эмиграции в конце 1922 года, были опубликованы только спустя почти 90 лет, сначала в журнале «Вопросы истории», а затем и отдельной книгой в издательстве «РОССПЭН». Прежде чем предоставим Глобачеву слово, расскажем о нем самом.

Константин Иванович Глобачев родился в апреле 1870 г. в семье потомственных дворян. Окончил кадетский корпус, а затем Павловское военное училище, после чего служил в лейб-гвардии полку, расквартированном в Варшаве. Дальнейшее образование он продолжил в Николаевской академии Генерального штаба в Санкт-Петербурге.

В 1903 году штабс-капитан Глобачев по собственному желанию перешел из армии в Корпус жандармов. Уже спустя два года он становится не только начальником Лодзинского уездного жандармского управления, но и руководителем местного охранного отделения. Затем с 1909 до 1914 года он последовательно руководил Варшавским охранным отделением, жандармскими управлениями в Нижнем Новгороде и Севастополе. Наконец, пиком его служебной карьеры стало назначение его в феврале 1915 года начальником Петроградского охранного отделения и присвоение чина «генерал-майор». После Февральской революции он был арестован, однако в октябре 1917 года в обстановке смены власти освобожден.

Спустя несколько месяцев Глобачев уехал на юг, где поступил на службу чиновником для поручений в Департамент Державной варты в Киеве. С января по апрель 1919 года Глобачев был начальником информационного отдела (политический розыск) одесского градоначальства. Затем служил в Главном управлении снабжений Добровольческой армии (Екатеринодар, Ростов). С декабря 1919-го по январь 1920 года он – начальник Одесского морского контрразведывательного пункта, в январе – начале февраля того же года – начальник Одесского контрразведывательного отделения. В феврале 1920 года Глобачев эмигрировал в Константинополь, откуда спустя 3 года перебрался в США. В 1929–1934 годах он находился во Франции, где был заместителем директора Секретно-политического отдела Русского общевойскового союза, после вернулся в США, где работал художником. Умер Глобачев в Нью-Йорке в декабре 1941 года³⁸.

А теперь послушаем мемуариста:

«Большим бичом Одессы этого времени была уголовщина, дошедшая до чудовищных размеров. В январе – мае 1919 г. обыватель чувствовал себя в городе хуже, чем в лесу с разбойничьим станом. Грабили по квартирам ночью и среди белого дня – на улицах. Одесса всегда была одним из центров преступности, в это же время преступность

³⁷ Майбородов В. С французами // Архив русской революции. Т. 15–16. М. 1993. С. 123.

³⁸ Перегудова З. И., Дейли Дж. К. И. Глобачев – начальник Петроградского охранного отделения / Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 23–38.

достигла крайнего предела. Законные меры воздействия ни к чему не приводили, и градоначальнику генералу Маркову пришлось прибегать к исключительным мерам. Грабители, застигнутые на месте преступления, беспощадно расстреливались, а, кроме того, чинам сыскальной полиции был отдан приказ заведомых грабителей и воров при встрече уничтожить как собак. Эти меры оказались действенными, и спустя месяц преступность значительно сократилась, а обыватель мог вздохнуть...»³⁹.

Расстрелы на месте часто подавались как при оказании сопротивления или при попытке к бегству. Последних за данный период судмедэксперт Жмайлович впоследствии насчитал 209⁴⁰.

Так, в последних числах января 1919 года был убит – расстрелян – неизвестного звания еврей, пытавшийся бежать от сопровождавшего его конвоя уголовного розыска, а спустя несколько дней, ночью, на Куликовом поле (в Одессе тоже было такое место), у братских могил был убит некий Левин, препровождавшийся из здания Александровского участка на станцию трамвая в военно-полевой суд, где должно было рассматриваться его дело по обвинению его в ограблении железнодорожной кассы на станции Одесса-Главная⁴¹.

Конечно, в отдельных случаях эти меры властей осуществлялись с чрезмерной жестокостью. Так, в начале марта стражами порядка при проведении одной из операций был подстрелен и оставлен на месте некий Шая Докторс. Прохожие вызвали карету «скорой помощи». Прибывший врач взял раненого в карету для доставления его в больницу. На углу Херсонской и Преображенской улиц, недалеко от комендантского управления, карета была остановлена вооруженными лицами, которые потребовали выдачи Докторса. Врач категорически отказал и, пользуясь близостью комендантского управления, обратился туда за помощью. Вышедший дежурный офицер приказал прекратить преследование. Карета благополучно достигла Старой больницы, куда и был сдан раненый Докторс. Едва дежурный хирург успел положить его на стол для исследования раны, как в операционную с шумом ворвалась группа лиц в военной форме и, грубо отстранив врача, тут же на операционном столе залпом расстреляла пациента. По этому факту было проведено служебное расследование, но оно ничем не закончилось⁴².

В последние же дни перед уходом войск интервентов, по словам Жмайловича, «бандитизм же вновь расцвел „махровым цветком“»⁴³. Во многом это было связано с отставкой по настоянию французского командования, стремящегося как можно больше отмежеваться от добровольцев и заигрывать с петлюровцами, Гришина-Алмазова и его начштаба Санникова и передачей власти в городе гражданскому Комитету обороны и продовольствия, куда вошли такие личности, как сионистский деятель, а в прошлом знаменитый эсер-боевик Рутенберг и украинский лейб-казак с французскими корнями Андро: не случайно Деникин телеграфировал Санникову не выполнять распоряжений этой администрации и ни в какие переговоры не вступать.

Нужно отметить, что в местных газетах иногда появлялись сообщения об аресте неуловимого главаря одесских бандитов. Как пишет немецкий историк-русист и биограф Исаака Бабеля Рейнхард Крумм, «газета „Одесская почта“ сообщила 5 февраля 1919 года, что его арестовали»⁴⁴. Однако эта информация, как и нередко в то время другие сведения подоб-

³⁹ Глобачев К. И. Указ. соч. С. 186.

⁴⁰ Под знаком антантовской цивилизации. Одесса, 1927. С. 14.

⁴¹ Там же. С. 15.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 17.

⁴⁴ Крумм Р. Исаак Бабель. Биография. М., 2008. С. 67.

ного рода, оказалась преждевременной: пойман Япончик не был. Хотя, возможно, именно на основе данного газетного сообщения родилась легенда, вошедшая в художественную и публицистическую литературу, об аресте «короля» Молдаванки белой контрразведкой и освобождении слетевшимися к тюрьме «корешами».

«Тут была смесь анархистов с уголовщиной...»

В период интервенции в Одессе действовало огромное количество контрразведок. В частности, войска всех иностранных государств, находившихся в регионе, имели свою спецслужбу. Военными контрразведками Добровольческой армии были контрразведки штаба командующего войсками в районе Одессы и корпусная контрразведка. Первую из них вначале возглавлял юрист Павел Яковлевич Логвинский, до 1917 года в чине прапорщика находившийся на военно-следственной службе, в частности бывший секретарем комиссии генерала Николая Батюшина по расследованию срывов снабжения на Западном фронте. Как пишет А. А. Зданович, при нем в контрразведывательном производстве находилось лишь дело румынского коммуниста Михая Бужора, причем изъятая у него большая сумма денег таинственно пропала⁴⁵. В результате в феврале 1919 года Логвинский был смещен и эмигрировал в Константинополь. Новым руководителем стал также прапорщик царской армии Владимир Григорьевич Орлов, до революции работавший следователем Военно-окружного суда в Варшаве, а в годы Первой мировой войны – военный следователь Ставки Верховного главнокомандующего и тоже сотрудник комиссии Батюшина. Позднее Орлов возглавил контрразведывательную часть Генштаба Вооруженных сил Юга России, а в эмиграции в 1920-е годы прославился в качестве руководителя организации, занимавшейся сбором антибольшевистского и антикоминтерновского компромата и изготовлением соответствующих фальшивок. Были в Одессе у белых и политические контрразведки: возглавлявшийся генералом Константином Ивановичем Глобачевым информационный отдел при одесском градоначальстве и осведомительный политический отдел. Активно действовала в городе и украинская контрразведка во главе с князем Кочубеем. Были и общественные контрразведки: Союза русских людей и Русско-германского союза монархистов-христиан и наконец частная – своеобразное политическое детективное агентство, хозяином которого был некий поручик Брауде, на чьи средства оно и существовало. Естественно, такое обилие спецслужб, нередко сталкивающихся друг с другом, шло не на пользу, а скорее во вред делу борьбы с большевистским, левоэсеровским и анархистским подпольем.

В отличие от левых эсеров, которые как партия, ориентировавшаяся на крестьянство, международными делами практически не занимались, большевики и анархисты вели агитацию и пропаганду среди войск интервентов: первые – через «Иностранную коллегию», как правило среди солдат, вторые – через «Иностранное бюро», большей частью среди матросов. После партийных разногласий с большевиками «Интернациональная группа революционных рабочих» – самая мощная в то время местная анархистская организация – создала собственную подпольную контрразведку, конкурирующую с большевистской. В свою очередь, последняя действовала в Одессе самостоятельно, не согласуя свои акции с московским ЦК и тем более с ВЧК. Ее руководители носили псевдонимы по частям города – Северный (Борис Юзефович)⁴⁶, Южный (Иосиф Горенюк), Западный (Семен Кесельман), Восточный

⁴⁵ Зданович А. А. Свои и чужие – интриги разведки. М., 2002. С. 156.

⁴⁶ Северный (Юзефович) Борис Самойлович (1888–1937). Родился в Одессе в семье врача. С 1905 по февраль 1917 г. – член объединенной РСДРП, большевик с июня 1917 г.). В 1907 г. был сослан в Архангельскую губернию, бежал, вел революционную работу в Петербурге и Одессе. В 1917 г. – член исполкома Одесского совета. С марта 1918 по апрель 1919 г. – руководитель оперштаба подпольного ревкома, начальник подпольной областной большевистской разведки и контрразведки в Одессе. С апреля по начало августа 1919 г. – в Одесской губчека: товарищ председателя, замначальника Секретно-оперативного отдела. В феврале-марте 1920 г. – председатель Временной чрезвычайной следственной комиссии Одессы. Затем зампред Одесской рабоче-крестьянской инспекции в Одессе, комендант Трудовой армии Донецкого бассейна. В 1921–1922 гг. возглавлял разведуправления Юго-Западного фронта, Петроградского военного округа, Украины и Крыма. С 1922 г. – на хозяйственной работе, в частности, заместитель уполномоченного Лыноцетрасельско-союз в Берлине, директор по машинам Электротреста. В 1934–1937 гг. – директор Тульского патронного завода. Арестован в Москве в январе 1937 г. Расстрелян.

(его старший брат Арнольд Кесельман). Рядовые работники действовали иногда под собственными, иногда под вымышленными именами. В этой контрразведке сотрудничали и некоторые левые эсеры, например, Фатер возглавлял одно время политический отдел. Иногда подполье получало нужные материалы непосредственно в контрразведках противника, например, о переговорах Петлюры с французами.

Глобачев писал:

«Сначала французы во внутренние дела русского управления не вмешивались, но по мере прибытия новых эшелонов и штабов французское командование, желая, очевидно, сколько можно более расширить зону оккупации, и притом безболезненно для себя, стало понемногу все прибирать к своим рукам, особенно когда командующим французскими оккупационными силами был назначен генерал д'Ансельм и начальником его штаба – полковник Фрейденберг. Последний занялся исключительно политической работой, которая заключалась в том, чтобы, войдя в сношения с представителем Петлюры, сдать ему Одессу на выгодных для себя условиях. Переговоры между Фрейденбергом и петлюровским атаманом Змиевым продолжались все время пребывания французов в Одессе, несмотря на то что добровольческие части, подчиненные Гришину-Алмазову, находились с петлюровцами в состоянии войны. Атаман Змиев, беспощадно расстреливавший русских офицеров, под охраной французов нагло являлся в Одессу для свиданий с Фрейденбергом на глазах у защитников ее. Однако Фрейденбергу не удалось свои переговоры довести до конца, ибо власть Петлюры и Винниченко на Украине пала, уступив место большевикам, с коими уже трудно было разговаривать в то время»⁴⁷.

Однако причины приостановки переговоров состояли не только в свержении власти Директории в Киеве, но и в утечке в прессу сведений о петлюровско-французских договоренностях. И виновницей этого явилась не кто иная, как большевистская подпольщица, работавшая в учреждении самого Глобачева. В его доверие вошла дочь царского полковника Елена Федоровна Гребенникова, которая в силу знания французского языка получила должность переводчицы в информационном отделе. Гребенникова передала секретарю подпольного областкома партии Елене Соколовской⁴⁸ ряд прошедших через контрразведку материалов, особенно важным из которых была нота петлюровской Директории Д'Ансельму о передаче французскому командованию прав на управление Украиной⁴⁹. Соколовской информация была «слита» в прессу, и вскоре ноту перепечатали одесские газеты. В ней говорилось, что Директория, признавая сделанные ею ошибки (имелись в виду, в частности, те же

ляян в июне 1937 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Реабилитирован в 1956 г.

⁴⁷ Глобачев К. И. Указ. соч. С. 184–185.

⁴⁸ Соколовская Елена Кирилловна (настоящее имя-отчество – Софья Ивановна) (1894–1938). Большевичка с 1915 г. Из семьи одесского адвоката, малороссийского дворянина. Училась в Петербурге в 1912–1914 гг. в женском медицинском институте, а в 1914–1917 гг. – на юридическом факультете Высших женских Бестужевских курсов. В 1917 г. – член Черниговского губкома РСДПР(б) и губревкома. В 1918 г. – на подпольной партийной работе в Чернигове. С ноября 1918 г. – секретарь Одесского подпольного обкома партии. Один из организаторов и руководителей Иностранной коллегии. В апреле-августе 1919 г. – ответственный (второй) секретарь Одесского губкома КП(б) У. При денкинках вновь в подполье. По протекции ее бывшего преподавателя, историка и искусствоведа Д. Н. Овсяннико-Куликовского, входившего в редколлегия газеты «Современное слово», стала внештатным репортером, в декабре 1919 г. при его же содействии получила визу в итальянском консульстве и на французском пароходе отправилась в Италию. Там, а затем во Франции находилась до февраля 1921 г., где работала по линии Коминтерна. В 1921–1924 гг. – зампред Мосгубполитпросвета. Позднее – инструктор МК ВКП(б), работала в аппарате ЦК и ЦКК ВКП(б). С 1935 по 1937 г. – заместитель директора, а в 1937 г. – директор киностудии «Мосфильм». Арестована в октябре 1937-го. Расстреляна в августе 1938-го по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Реабилитирована в 1956-м.

⁴⁹ Коновалов В. Г. Елена. Одесса, 1969. С. 99.

перестрелки с французами), просила французское командование о помощи в борьбе против большевиков, и в течение этого времени Франции предлагалось взять на себя управление Украиной в военной, дипломатической, финансовой, экономической и судебной областях. Высказывалась надежда, что, как и другие державы Антанты, Франция проявит великодушие, когда после победы над большевиками возникнут вопросы о территориях и нациях⁵⁰. Естественно, публикации стали одним из поводов еще большего обострения отношений петлюровцев и белых, выступавших, как известно, сторонниками «единой и неделимой» России.

Большевистская пропаганда среди солдат и матросов в войсках интервентов велась не только в лоб, апеллируя к «международной солидарности трудящихся», о чем немало было написано в книгах советского времени, но и более хитрым способом. Вера Муромцева-Бунина записала в дневнике, основываясь, вероятно, на сведениях из местной прессы или полученных от знакомых представителей властей, следующее: «Большевики сильно работают. Они разрабатывают прокламации к добровольцам, где пишут: как вам не стыдно идти вместе с французами. Разве вы забыли 12-й год?.. с другой стороны – прокламации французам, где тоже напоминают 12-й год и пугают им»⁵¹.

Любопытно складывались отношения большевистского и анархистского подполья с уголовным миром Одессы. Член подпольного ревкома Филипп Анулов (Френкель), уже знакомый читателю, вспоминал:

«...Ревком организовал штаб, который помещался в доме № 63 по Болгарской улице. Боевые средства, т. е. оружие, добывались начальником боевого снабжения посредством покупки и другими всевозможными средствами. Главным образом в ходу были бомбы, револьверы и подрывные средства. Большие услуги штабу в доставке оружия оказывал Мишка Японец, который за сравнительно небольшую плату продавал штабу главным образом „лимонки“ и револьверы...»⁵².

Таким образом, по свидетельству участника тех событий Филиппа Анулова, обеспечивали большевиков оружием не рабочие оружейных заводов и не французские матросы, а налетчик и грабитель Мишка Япончик...

Этот факт впоследствии был обыгран в написанной в 1933 году пьесе одессита Льва Славина «Интервенция». В ней есть эпизод, когда большевики-подпольщики покупают у «свободного анархиста», а по сути предводителя налетчиков Филиппа, одним из главных прототипов которого был Япончик, а имя служило вероятной аллюзией не только на известного в Одессе грабителя Фильки (его мы еще упомянем), но и на Филиппа Анулова.

Не без участия Мишки Япончика большевики создали подрывную дружину во главе с Самуилом Зехцером, которая должна была заниматься диверсиями и терактами против властей противника. По словам Елены Соколовской, состояла она из 11 человек, 5 из которых были железнодорожными рабочими. В отношении остальных она писала: «Была среди них и такая публика, которая по своему происхождению и социальному положению определению не поддавалась, их просто можно было назвать одесситами. Во всяком случае, эта публика была бравой и готовой на всякие похождения и на всякие акты, хотя в смысле политическом они не были коммунистами, как не был им и сам Зехцер. Тут была смесь анархистов с уголовщиной, и смесь довольно безвкусная»⁵³.

⁵⁰ Там же. С. 98.

⁵¹ Устами Буниных. Т. 1. С. 182.

⁵² Анулов Ф. Указ. соч. С. 332.

⁵³ Октябрь на Одесчине. Одесса, 1927. С. 338.

Однако сам Зехцер был не анархистом, а как раз большевиком, что подтверждается в первую очередь хранящимся в ГАРФе в фонде Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев его личным делом по приему в общество, состоящим, по сути, из одной анкеты⁵⁴. Анкету эту Зехцер заполнил 8 марта 1921 года во время командировки в Москву. Из анкеты можно узнать следующее: Зехцер Самуил Маркович, 30 лет, иудей (национальность он указал по вероисповеданию, как писалось до революции), ныне командированный, член профсоюза металлистов. Родился в городе Балта, образование среднее, рабочий по профессии, в революционном движении участвовал с 1907 года, когда в Одессе вступил в Бунд, партийную кличку получил тогда Андрей. Бывал за границей (где и когда, он не указал). В 1917 году в Одессе он вступил в большевистскую партию. Первый раз арестован в 17 лет, второй – в 24 года, третий – в 28 лет. Первый арест произошел в Одессе и окончился приговором военно-полевого суда к 8 годам каторги. Второй раз Зехцера арестовали в Волочискке, где за распространение нелегальной литературы среди солдат и за побег с сибирской каторги он получил снова 8 лет, а в общей сложности он провел в заключении до 1917 года 9 лет. После второго ареста Зехцер сидел в Бутырской и Харьковской тюрьмах, в последней его и застала мартовская (1917 г.) амнистия. После революции работал легально и подпольно в Киеве и Одессе.

Людьми Зехцера были убиты представитель Тираспольской парторганизации матрос Константин, который вымогал деньги у подполья, 6 или 7 тысяч рублей, посланец ЦК РКП Москвы некий Александров, пытавшийся скрыться с деньгами, выделенными Центром на нелегальную работу в Елизаветграде, но обнаруженный Зехцером в одном из дорогих одесских кафе⁵⁵. Этой дружине была поручена ликвидация провокаторов – был убит, например, немец Ройтман, обвиненный в выдаче руководителя одесского подполья Николая Ласточкина⁵⁶ Деникинской контрразведке.

Елена Соколовская писала:

«После первого или второго заседания Совета был арестован его председатель Николай Ласточкин. Помню, как он после заседания Совета собрал несколько человек из комитета и сказал, что должен идти на свидание к Ройтману, который даст ему исчерпывающие важные сведения. Мы все его уговаривали бросить это знакомство, тем более что эти сведения большой роли не играют. Количество и расположение войск мы знали и без Ройтмана. Тем не менее Ласточкин на свидание пошел, передав перед этим деньги и паспорт мне...

Арест произошел при таких обстоятельствах: тов. Ласточкин шел по улице с Ройтманом и полковником Прониным, который доставлял разного рода сведения военного характера. В это время к ним подошли белогвардейцы и заявили, что они арестованы. Ройтман моментально исчез. Пронин, пройдя несколько шагов с ними, также был отпущен, а Николай взят. Первое время, по нашим сведениям, он содержался в Воронцовском дворце, где помещалась контрразведка, а в конце марта, когда положение стало ненадежным, он был переведен на баржу в порту, которая служила

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 1110. Л. 1–2.

⁵⁵ Октябрь на Одесчине. С. 351–352.

⁵⁶ Ласточкин Николай (Смирнов Иван Федорович) (1885–1919). Родился в Москве. Большевик с 1906 г. До революции – рабочий-портной. Находился на нелегальной партийной и профсоюзной работе в Москве, Ростове-на-Дону, Самаре, Царицыне, Киеве, Харькове, Одессе, подвергался репрессиям. В 1917 г. – председатель центрального совета фабзавкомов в Киеве. С марта 1918 г. – член коллегии наркомата труда (Харьков). С ноября 1918 г. – председатель Одесского подпольного обкома и областного ревкома. Один из руководителей иностранной коллегии. В марте 1919 г. арестован белогвардейской контрразведкой и утоплен в море.

местом заключения для наиболее опасных преступников. Мы потратили много усилий, чтобы освободить Николая, хотя это сделать было очень трудно. Первое время мы даже не знали, где он находится. Пришлось действовать через самого Ройтмана. Было ясно, что он предал Николая, но, не имея никаких связей, мы заявили Ройтману, что заплатим какую угодно сумму, если он укажет местопребывание Ласточкина и окажет содействие в хлопотах. Ройтман на первых порах дал сведения, что Ласточкин находится в Воронцовском дворце. Затем Ройтман начал всячески отнекиваться, не являться и, наконец, передал, что больше вмешиваться не может и не хочет... Мы обратились к Зехцеру, он имел много знакомых всюду и вел с ними переговоры. Но положение было сложным. С одной стороны, из-за Ройтмана могло случиться, что не только Николай, но и другие члены областного комитета также подвергнутся опасности. Наконец, мы боялись, что Ройтман, предавший Николая, раскроет белогвардейцам и те дела, которые они совместно вели... Мы решили Ройтмана уничтожить и дело поручили Зехцеру, который назначил ему свидание на одной из улиц...»⁵⁷.

Как рассказывала далее Соколовская, во время встречи Зехцера с Ройтманом мимо них прошли двое анархистов из дружины Зехцера, одетые в форму деникинских патрулей, и застрелили Ройтмана. Это было типичное заказное убийство, организованное политическим подпольем и выполненное «полууголовными, полуанархистскими элементами», как их называли сами «заказавшие» Ройтмана большевики.

Обратим внимание на то, что в своем рассказе Соколовская не приводит явных доказательств предательства Ройтмана. Смертный приговор был ему вынесен и приведен в исполнение только на основании домыслов и предположений, основанных на недоверии, личной неприязни подпольщиков и странном его исчезновении во время ареста Ласточкина, и, по мнению А. А. Здановича, Ройтман мог и не быть агентом начальника контрразведки Владимира Орлова, хотя тот же Иосиф Южный был уверен в обратном⁵⁸.

На Ласточкина, а также на типографию газеты «Коммунист», нелегально издававшейся на русском, французском и польском языках, Орлову удалось выйти через агентуру, завербованную в «Объединенном совете южнорусской группы анархо-коммунистов» и «Моревинте»⁵⁹. О том, кто был агентом контрразведки в последней организации, можно сделать некоторое предположение.

В «Моревинте» под кличкой Надежда в это время работала 16-летняя Эстер Пуриц, участница анархистского движения с 1918 года, познакомившаяся в подполье, а затем вышедшая замуж за анархиста с 1909 года Александра Улановского⁶⁰, который был старше

⁵⁷ Октябрь на Одесчине. С. 361–362.

⁵⁸ Зданович А. А. Свои и чужие... С. 141.

⁵⁹ Зданович А. А. Чужой среди своих / Орлов В. Г. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998. С. 304.

⁶⁰ Улановский Александр Петрович (Израиль Хайкевич) (1891–1971). Анархист с 1909 по 1921 г., в 1922–1923 гг. – кандидат в члены РКП(б), в 1923–1924 гг. – член компартии Германии. Родился в семье портного. Окончил городское училище в Одессе. Работал судовым кочегаром. В 1909 г. арестован и в 1910 г. сослан в Туруханский край. В 1912 г. бежал за границу. В 1915 г. вернулся в Россию, вновь отправлен в ссылку. Освобожден после Февральской революции. В 1917 г. – рабочий на заводе «Труд» в Екатеринославе, кочегар на гидрографическом судне «Казбек». Был председателем матросского совета на Азовском море (до прихода кайзеровских войск в мае 1918-го). В 1918–1919 гг. – на подпольной работе в Одессе, руководитель одной из анархистских боевых групп. В 1919–1920 гг. – в Красной армии, служащий бронепоезда и на партизанской работе в Крыму, затем снова работал в Одессе. В 1921–1922 гг. – разведчик-нелегал ВЧК в Германии. С 1922 по 1928 г. нелегально выезжал по линии Профинтерна в Германию и Китай. С 1928 г. – сотрудник Разведупра РККА. В 1929–1930 гг. – нелегальный резидент военной разведки в Китае, после провала вернулся в Москву и США. В 1930–1931 гг. находился на нелегальной работе в Германии, но также провалился. В 1931–1934 гг. – резидент военной разведки в США. С 1934–1935 гг. – резидент Разведупра и организатор разведывательной сети в Дании. Арестован датской полицией и осужден на 18 месяцев. В 1936 г. досрочно освобожден и вернулся в СССР. Капитан пехоты (1936). С июля 1937 г. –

ее более чем на 10 лет. В подпольной анархистской контрразведке, а затем и в легальный период в Одессе чаще всего он работал под псевдонимом Алеша Черный. Много лет спустя Улановская оставила мемуары не только о работе мужа, но и о своей. Она, в частности, вспоминала об одном из эпизодов одесского периода ее деятельности:

«В другой раз сообщили: надо убрать провокатора. Я решила, что приглашу его гулять в парк и там застрелю. Но и эта затея провалилась – этот человек куда-то уехал. В советское время он стал ответственным партийным работником, и именно он оказался одним из немногих одесских подпольщиков, уцелевших в Гражданскую войну и позднее. Был ли он действительно провокатором – не знаю»⁶¹.

Сопоставляя сведения о наличии орловского агента в «Моревинте» с воспоминаниями Улановской, можно предположить, что таковым являлся Василий Филиппович Васютин (настоящая фамилия – Филюшкин). Васютин родился в 1900 году в крестьянской семье в Рязанской губернии, до революции получил лишь 4-классное образование. В 9-летнем возрасте переехал с родителями в Одессу, где с 1913 по 1918 год он работал котельщиком и слесарем на заводе. В 1917 году Васютин вступил в Социалистический рабочий союз молодежи, а на следующий год – в большевистскую партию, работал в «Моревинте». Можно предположить, что привлек его к сотрудничеству лично Орлов, который тоже был родом из Рязанской губернии, и Филюшкины могли крестьянствовать в дворянском имении его родителей (которые, правда, еще в юном возрасте Орлова переехали с ним в Варшаву). Интересно, что впоследствии, в следующем одесском подполье, уже деникинском, ему, секретарю Пересыпского райкома комсомола, так же как и во время интервенции, удалось избежать ареста (Орлова, правда, в это время уже в Одессе не было). Затем Васютин был секретарем Одесского комитета комсомола, первым секретарем ЦК комсомола Украины и, наконец, секретарем ЦК РКСМ, и по совместительству с последней должностью в 1923 году был утвержден руководителем всей пионерской организации, только что образовавшейся.

В середине 1920-х годов он ушел с комсомольской работы на учебу и окончил курсы марксизма-ленинизма, а затем Институт красной профессуры. С 1930 года Васютин работал в системе Госплана, Омском облисполкоме, Институте географии Академии наук и в других учреждениях, избежав репрессий. Выйдя в 1959 году на персональную пенсию, он остался профессором кафедры политэкономии Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Умер Васютин в 1979 году, и, таким образом, опубликованные в начале 1980-х годов в эмиграции воспоминания Надежды Улановской никак не могли ему повредить, даже если бы кому-нибудь пришла мысль связать с ним упомянутого мемуаристкой безымянного провокатора.

Из-за ареста Ласточкина большевистское подполье лишилось своего главного руководителя, связанного с Москвой, но эффективность белой контрразведывательной работы была сведена на нет, так как войска интервентов стали эвакуироваться.

в отставке. В 1937–1938 гг. – литредактор и референт Профинтерна. С 1938 г. – на преподавательской работе в военных учебных заведениях. В 1949-м был арестован и осужден на 10 лет: отбывал заключение в Карлаге, в 1955–1956 гг. находился в ссылке. В 1956 г. реабилитирован. Затем персональный пенсионер союзного значения. Умер в Москве.

⁶¹ Улановская Н. М., Улановская М. А. История одной семьи. Мемуары. СПб., 2003. С. 32.

«Известие об эвакуации произвело в городе неопишемую панику»

Вот как, по воспоминаниям Константина Глобачева, складывалась социальная и политическая ситуация в занятой интервентами Одессе:

«Интеллигенция, бежавшая сюда от большевиков из обеих столиц, пополнилась еще той, которая выбралась после падения гетмана из Киева и других городов Украины. Значительное число безработных офицеров и разных темных дельцов, спекулянты всех сортов, старающиеся использовать момент в личных для себя выгодах, – все это переполнило Одессу, создав сильный квартирный и продовольственный кризис. Вместе с сим рабочие и низы населения, уже вкусившие отчасти большевизма в начале 1918 г., но еще не изжившие всех его тяжелых сторон, мечтали снова о большевистском режиме и представляли благодатную почву для пропаганды и агитации. Буржуазный слой города вместе с городской думой социалистического состава вечно будировал, все осуждал, местной власти не помогал и, со своей стороны, был лучшим проводником грядущего большевизма. Еврейское население Одессы также было настроено большевистски, разве что за исключением богатой буржуазии.

Таким образом, русские и союзные (главным образом греческие) войска удерживали боевой фронт против наступления красных, их (большевиков) агитационная работа внутри Одесского района шла вовсю, разлагая не только русское население, но и французские войска, не занятые буквально ничем и по составу своему малодисциплинированные. Оккупационные французские войска вели себя в Одессе весьма разнузданно: солдаты проводили время в попойках, являясь с евреями и еврейками, среди которых было немало большевистских агитаторов, знавших французский язык; пропаганда имела успех не только среди солдат, но даже среди офицеров. В результате к февралю началось брожение среди сухопутных солдат, а затем и среди матросов на почве утомления войной и желания возвратиться на родину... Между тем французские разыскные органы не имели возможности продуктивно бороться с большевистской пропагандой как по незнанию местных условий, так и по неопытности своего личного состава, набранного наспех из строевого офицерства...

Русские разыскные политические органы боролись всеми мерами против большевистской работы, которая главным образом базировалась на рабочих организациях. Эти политические органы встречали полную поддержку в этом отношении от своих гражданских и военных властей, но должны были вечно бороться с заступничеством чинов городского управления с городским головой Брайкевичем во главе. Социалистический состав городской думы явно стоял на стороне рабочих, невольно помогая большевикам укреплять свое положение. Это, конечно, не помешало впоследствии Брайкевичу и другим гласным городской думы первыми бежать из Одессы при эвакуации ее французами. Между тем организационная и агитационная работа большевиков в Одессе была очень интенсивна и, несмотря на ряд ликвидаций, произведенных в их рядах, не ослабевала, имея за собой новые кадры людей и благоприятное

настроение масс. Много способствовала этому настроению спекуляция продуктами первой необходимости, страшно взвинтившая рыночные цены. Виновниками этого обстоятельства были старые спекулянты еще Великой войны, сахарозаводчики Хари, Гепнер, Златопольский и др., которые фактически были экономическими диктаторами Одессы того времени. Эта компания, вопреки протестам городской думы, наконец была арестована военной контрразведкой, и материал, взятый у них по обыску, вполне подтвердил их зловредную деятельность»⁶².

Руководитель контрразведки, арестовавшей сахарозаводчиков, Владимир Орлов, еще до революции в составе комиссии Батюшина участвовал в расследовании деятельности некоторых указанных лиц. Впоследствии, касаясь уже одесских событий, он писал, что «горстка спекулянтов, ловких и безжалостных, во главе с сахарными королями братьями Х. (Хари, один из которых умудрился стать консулом Дании в Одессе, вероятно, в том числе и для обеспечения себе неприкосновенности. – *О. К.*) до последней нитки обирала голодных одесситов, среди которых было немало их соплеменников»⁶³. Однако ряд одесских газет, издававшихся не без участия капитала сахарозаводчика, подняли шумиху вокруг этого дела. «Еврейская политика: все газеты, – записала Муромцева-Бунина, – за освобождение спекулянтов. Почему? А потому, чтобы в глазах населения дискредитировать власть перед приходом большевиков»⁶⁴. Впрочем, скорее всего, никакой целенаправленной попытки компрометации власти ради большевиков печатные органы не проводили – просто они вступались за своих спонсоров.

В начале весны 1919 года городское управление сменилось. Глобачев вспоминал:

«К марту французское командование, по-видимому, решило совершенно отмежеваться от Добровольческой армии и влияния ее главнокомандующего генерала Деникина на одесские дела, а потому приступило к созданию новой русской власти в Одессе, которая должна была действовать исключительно по указанию французского командования. Был приглашен в качестве отдельного главнокомандующего Одесским районом генерал-лейтенант Шварц, и при нем образован был Совет обороны как правительственный орган. Генералу Гришину-Алмазову и начальнику его штаба генералу Санникову, назначенному генералом Деникиным, предложено было немедленно, в течение 24 часов, покинуть Одесский район. Оба выехали первым пароходом в Новороссийск»⁶⁵.

Действительно, совсем непросто складывались дела французов в оккупированной ими Одессе. Вводя войска на юг России, союзники не столько заботились о сохранении «единой и неделимой России», сколько стремились под прикрытием этого лозунга подчинить себе Украину в хозяйственном и административном отношении. Проницательный Антон Иванович Деникин, главнокомандующий Вооруженными силами Юга России, прекрасно это понимал, и французы сразу столкнулись с его противодействием. Французы не скрывали пренебрежительного отношения к Добровольческой армии, а Деникин терпел французов как вынужденное зло.

Командующий войсками Антанты на Ближнем Востоке, которому были подчинены и французские войска на юге России, генерал Бертоло, приехал в Одессу и в беседе с предста-

⁶² Глобачев К. И. Указ. соч. С. 186–187.

⁶³ Орлов В. Г. Указ. соч. С. 98.

⁶⁴ Устами Буниных. Т. 1. С. 182.

⁶⁵ Глобачев К. И. Указ. соч. С. 187.

вителем Деникина генералом Санниковым и Василием Шульгиным высказал свой взгляд по «русскому вопросу». Бертоло заявил собеседникам, что единственное желание союзников – бороться за «единую Россию» в тесном союзе и в полном согласии с Деникиным. Кроме того, Бертоло заверил, что союзники не собираются признавать «самостийность» Украины, провозглашенную в Киеве Директорией во главе с Симоном Петлюрой.

Но французский генерал лукавил. Он заигрывал с Петлюрой, обещал ему полную помощь, а на юге Украины пытался захватить всю власть – военную и гражданскую.

Деникин писал в своих мемуарах:

«2 февраля появился приказ Бертоло о назначении его заместителем на юге России ген. д'Ансельма, на которого возлагалось руководство „всеми вопросами военной политики и администрации“. Указывалось, что „в делах политического и административного характера“ ген. Санников будет подчинен генералу д'Ансельму, который, однако, „не имеет права вмешиваться в подробности предпринимаемых мер, но должен согласовать их с вопросами военного характера“. Точно так же Санников всецело подчиняется французскому командованию в отношении „применения русских войск“»⁶⁶.

Этот унижительный, по сути издевательский, приказ французского генерала, перечеркнувший заверения «о тесном союзе и полном согласии с Деникиным», вызвал раздражение о возмущении русского главнокомандующего. И следует ответный «удар»: Деникин посылает телеграмму Санникову, по сути, запрещающую тому выполнять приказы французского командования:

«Во всех отношениях: военном, политическом, гражданском Вы подчинены мне и только от меня можете получать приказания...»

Через некоторое время Деникин посылает Санникову телеграмму еще более резкого содержания:

«Категорически воспрещаю Вам делать эксперименты с русскими войсками по чужой указке. Передайте, что я, главнокомандующий, не допускаю ничьего вмешательства в вопросы формирования русской армии. Если бы кто-либо позволил себе сделать это, объявите, что исполнившие незаконное распоряжение будут мною преданы суду»⁶⁷.

Желая все же сохранить видимость нормальных взаимоотношений с французским командованием, Деникин, занятый неотложными делами на фронте, предлагает генералу Бертоло встретиться со своим полномочным представителем – генералом Драгомировым. Но высокомерный французский генерал отвечает отказом...

Между тем в рядах французских войск растет недовольство. Солдаты, в течение нескольких лет оторванные от родных очагов, имея впереди малоприятную перспективу затяжной малопонятной войны, начинают требовать отправки домой.

Деникин в упомянутых выше мемуарах прямо пишет:

«...Неуверенность в своих войсках наложила совершенно пассивный отпечаток на стратегию французского командования, которое

⁶⁶ Деникин А. И. «Очерки русской смуты» // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 151.

⁶⁷ Там же.

сосредоточивало все свои силы к Одессе... ближе к транспортам, выставив на дальних подступах лишь ничтожные заслоны...»⁶⁸.

Последовал ряд военных поражений французских и союзных с ними войск. Под напором местных большевиков со стороны Вознесенска французский авангард бросил позиции. В середине февраля 1919 года изменивший Петлюре атаман Никифор Григорьев ⁶⁹ повел наступление на Херсон, который оборонял сводный союзный отряд французов и греков. После тяжелого боя этот отряд был посажен на транспорты и вывезен в Одессу. А затем был оставлен Николаев. В начале марта союзники потерпели новое поражение на Вознесенском направлении у станции Березовка. Они начали беспорядочное отступление, бросая танки, орудия, обозы.

В конце февраля в Одессе было объявлено осадное положение и создано особое правительство, подчиненное французам. Оскорбленный Деникин телеграфировал генералу Санникову:

«Передайте генералу д'Ансельму... следующее: я совершенно не допускаю установления никакой гражданской власти, кроме назначенной мною»⁷⁰.

7 марта в город прибыл французский генерал Франше д'Эспре – человек решительный, сухой и грубый. Без согласования с Деникиным он назначает командующим всеми русскими войсками юга России и одновременно генерал-губернатором Одессы генерала Шварца, высылает из города представителей Деникина генералов Санникова и Гришина-Алмазова.

Несмотря на эти меры французского командования, идея ухода интервентов уже витает в воздухе. И немалую роль сыграл в этом начальник штаба войск союзников на юге России полковник Фрейденберг, уроженец России, умный и проницательный человек, лучше всех разобравшийся в обстановке и понимавший бесперспективность дальнейшего пребывания союзных войск на юге России. В Париже его донесения читали с интересом, и они во многом влияли на политические решения руководства Антанты.

По неясным причинам полковник Фрейденберг после его возвращения в Париж был отдан под суд премьер-министром Жоржем Клемансо...

20 марта 1919 года генерал д'Ансельм вызвал Шварца и сообщил ему, что им получен приказ об эвакуации Одессы.

Трудно не привести слова и А. И. Деникина о той обстановке, в которой происходила эвакуация:

«...На подготовку эвакуации дано было 48 часов... Известие об эвакуации произвело в городе неопишемую панику... 2-дневный срок ее являлся чем-то необъяснимым и невыполнимым. Это была уже не эвакуация,

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Григорьев (по некоторым данным, настоящая фамилия – Серветник) Никифор Александрович (1885–1919). Из зажиточных крестьян Подольской губернии. До революции служил в казачьих войсках на Дальнем Востоке, затем акцизным чиновником на Херсонщине. С 1914 г. – снова на военной службе: в 56-м полку на Юго-Западном фронте. Последний чин в царской армии – штабс-капитан. В 1917–1918 гг. служил на Украине в войсках Центральной Рады, затем у гетмана Скоропадского. С декабря 1918 г. командовал отрядами в армии Петлюры. 2 февраля 1919 г. перешел на сторону Красной армии, командовал 1-й бригадой Заднепровской Советской дивизии, которая участвовала во взятии Николаева, Херсона, Одессы. С 25 апреля 1919 г. – начальник 6-й Украинской Советской дивизии. Самовольно отвел дивизию «на отдых» в район Елисаветграда, где 7 мая 1919 г., объявив себя правым эсером, поднял мятеж против советской власти. Григорьевцы захватили значительные территории юга Украины, но к июлю 1919 г. были разбиты и рассеяны частями Красной армии. Григорьев бежал к махновцам, где 27 июля по личному приказанию Махно был застрелен. Подробнее о Григорьеве см.: *Савченко В. А. Авантюристы Гражданской войны. С. 87–128.*

⁷⁰ Деникин А. И. Указ. соч... С. 154.

а бегство, обрекавшее десятки тысяч людей и вызывавшее невольно в их сознании мысль о предательстве.

Французы захватили большинство судов для своих надобностей, и спастись могли поэтому главным образом лица, связанные со штабом Шварца и правительства, а также богатая буржуазия... Началась вакханалия грабежа и взяточничества. Брошены были огромные военные запасы, оставлены все ценности в учреждениях государственного банка и казначейства, кроме иностранной валюты.

Среди разнородных чувств и восприятий, волновавших в эти дни население Одессы, было одно общее и яркое – это ненависть к французам. Оно охватывало одинаково и тех счастливиц, которых уносили суда, и тех, что длинными вереницами, пешком, на пролетках и подводах тянулись к румынской границе; оно прорывалось наружу среди несчастных людей, запрудивших со своим скорбем одесские пристани и не нашедших места на судах, и в толпе, венчавшей одесские обрывы, провожавшей гиканьем и свистом уезжавших...»⁷¹.

Предоставим слово сотруднику белых контрразведывательных органов Сергею Михайловичу Устинову, во время интервенции служившему офицером при штабе корпуса морской обороны Добровольческой армии:

«Возмущаться, протестовать, требовать было поздно, так как все пароходы были уже заняты высшими чинами с их семьями и в городе уже не было никакой власти.

Спешно были выписаны ассигновки на эвакуационные деньги... но и это было уже поздно. Казначейство бралось с бою. Крайне возбужденная толпа народа осаждала Государственный банк. Всякого рода учреждения, союзы и отдельные воинские части прокладывали себе дорогу с оружием в руках. Автомобильная рота приехала с пулеметами, а артиллерия выдвинула даже броневик.

Несмотря на такие решительные меры, получить свои деньги удалось только немногим. Фактически никакого срока для эвакуации предоставлено не было. Одесса была сдана большевикам или, просто говоря, брошена французами на произвол судьбы немедленно же по объявлении эвакуации. Такое предательство союзников и преступное паническое бегство командного состава Добровольческой армии выяснилось весьма быстро, и началась анархия. Отсутствие власти дало свободу преступным элементам, начались ограбления, поражавшие своею дерзостью. В порту, на глазах у доблестной французской армии, а может быть, даже и при ее участии разбивали пакгаузы, грабили склады и убивали обезумевших от ужаса мирных жителей, тщетно взывавших о помощи.

В городе на главной улице, днем, на глазах у наших офицеров, собравшихся у штаба, грабитель с револьвером в руках покушался на ограбление казначей банка. Один из офицеров, прицелившись, с колена убил его наповал из винтовки, и его труп оставался лежать, не вызывая ни в ком никакого участия»⁷².

⁷¹ Там же. С. 156.

⁷² Устинов С. М. Записки начальника контрразведки. Ростов-на-Дону. 1990. С. 78–79.

По всей видимости, именно этот эпизод мимоходом упомянула в своем дневнике Вера Муромцева-Бунина, когда 23 марта/ 5 апреля 1919 года записала, что на Пушкинской происходила стрельба, по слухам, это был убит налетчик⁷³.

И вот как Муромцева-Бунина описала смену властей, происходившую в городе:

«В военно-промышленном комитете – сборный пункт для отъезжающих политических и общественных деятелей. Народу много в вестибюле и в небольших комнатах комитета. Толпятся эсеры, кадеты, литераторы... Прощаемся с Толстыми (Алексеем Толстым и его женой Натальей Крандиевской. – **О. К.**). Прощаемся с Толстыми, которые в два часа решили бежать отсюда, где им так и не удалось хорошо устроиться... Оттуда пошли в „Новое слово“. На улице суета, масса автомобилей, грузовиков, людей, двуколок, солдат, извозчиков с седоками. Чемоданами, да, навьюченные ослы, французы, греки, добровольцы – словом, вся интернациональная Одесса встала на ноги и засуетилась... Еврейская дружина сражалась с поляками. На Белинской улице из домов стреляли в уходящих добровольцев, они остановились и дали залп по домам. Началась охота на отдельных офицеров-добровольцев. Несмотря на засаду за каждым углом, добровольцы уходили в полном порядке, паники среди них совершенно не наблюдалось, тогда как французы потеряли голову. Они неслись по улицам с быстротой молнии. Налетая на пролетки, опрокидывая все, что попадает на пути»⁷⁴.

Устинов привел один любопытный эпизод, связанный со сменой властей:

«Насколько эвакуация была ужасна и какие безобразные формы приняла она, можно судить еще по одному очень характерному, почти анекдотическому эпизоду. Один из старших агентов контрразведывательного отделения при главном штабе, приехав с дачи на службу, встретил у вокзала известного ему видного коммуниста. Не столько обрадованный, сколько удивленный этой встречей, агент поспешил задержать его и предложил отправиться вместе с ним в контрразведку.

– А на каком основании? – спокойно спросил коммунист.

– А на том основании, что я агент контрразведывательного отделения.

– Тем хуже для вас, – опять спокойно возразил коммунист, – так как в таком случае я должен вас арестовать.

Агент был поражен такой наглостью.

– Да, да, – продолжал коммунист. – Ваше дело проиграно! Власть в городе уже захватили большевики.

Агент отнесся с недоверием к такому необычайному заявлению своего политического врага, и они вместе, арестовав друг друга, направились в город, где эвакуация уже приняла все свои ужасные формы.

– Ну как же, товарищ? – спросил коммунист. – Ваши еще не совсем ушли, а наши не совсем пришли! Пойдем в тюрьму вместе или пока разойдемся до новой встречи?

Предательство союзников не только не имело никаких основательных причин, но даже просто объяснений! Оно изумляло своим бесстыдством, своим умышленным коварством. Сами большевики, очевидно, не ожидали

⁷³ Устами Буниных. Т. 1. С. 185.

⁷⁴ Там же.

такого вероломства, иначе они могли бы расстрелять всех оставшихся офицеров»⁷⁵.

⁷⁵ Устинов С. М. Указ. соч. С. 80.

«...а ведь остальные – полные невежды и мерзавцы»

За несколько дней до бегства интервентов в городе начал полулегально действовать Совет рабочих депутатов. Во главе его были большевики-подпольщики Елена Соколовская, Павел Онищенко⁷⁶, Филипп Болкун и анархо-коммунист Александр Фельдман, недавно вернувшийся из французской эмиграции. Еще раньше, в конце марта, был избран новый состав Центрального совета профсоюза, большинство которого составили представители левых партий, председателем которого стал бундовец Александр Чемеринский⁷⁷, членами – Бенцион Духовный, в недавнем прошлом тоже бундовец, перешедший к большевикам, анархисты Степан Шахворостов и все тот же Фельдман и другие.

2 апреля к генералу д'Ансельму для переговоров о передаче власти была направлена делегация, в которую вошли Чемеринский, Фельдман, Анулов, Соколовская и другие. Со стороны генерала участвовали также члены Комитета обороны Одессы, сформированного после отъезда Гришина-Алмазова⁷⁸. Это были инженеры по образованию кадет Михаил Брайкевич – выборный городской глава Одессы (не путать с должностью градоначальника) и сионист, а ранее эсер Петр (Пинхас) Рутенберг – советник комитета, в первую русскую революцию – член Петроградской боевой организации партии, ликвидировавший знаменитого священника Георгия Гапона. (По иронии судьбы один из участников советской делегации Чемеринский в начале века, как и Гапон, был зубатовцем.) Переговоры продолжались три дня, и за это время состав переговорщиков менялся, и постоянными участниками были только д'Ансельм и Фельдман.

Интересные воспоминания о переговорах оставил их участник большевик с 1917 года Александр Петрович (Ефимович) Александров (настоящая фамилия – Барон). Превратности его дальнейшей судьбы были довольно любопытными. Он командовал морским батальоном особого назначения, был комиссаром полка кавбригады, председателем Черноморского, Херсонского и Крымских войск трибуналов. Но дальнейшая его судьба была не совсем типичной для большевиков-подпольщиков. С 1927 года, после окончания Военно-морской

⁷⁶ Онищенко Павел Иванович (1888–1883). Большевик с апреля 1917 г. Из крестьян. После окончания сельской школы работал батраком в родном селе Копани Брянского уезда. С 1911 по 1917 г. – телеграфист-рядовой царской армии. В 1917–1918 гг. – зампредседателя уездного комитета в Минской губернии. В 1918 г. – начальник штаба подпольного облревкома, руководитель партизанских отрядов на Одесчине. С конца апреля до начала июня 1919 г. – председатель Одесской губчека. В июне-июле 1919 г. – командир Особой армии по борьбе с григорьевщиной на Одесчине. В августе-ноябре 1919 г. военком телеграфной роты 1-й Украинской дивизии. В ноябре-декабре 1919 г. – на подпольной работе в Екатеринославе. С января 1920 по ноябрь 1921 г. – заведующий Секретно-оперативным отделом Екатеринославской губчека. С ноября 1921 по ноябрь 1922 г. – председатель Запорожской губчека, начальник Запорожского отдела ГПУ. В ноябре 1922 – феврале 1923 г. – уполномоченный Екатеринославского губотдела ГПУ по Александровскому уезду. С февраля 1923 по сентябрь 1924 г. – начальник Екатеринославского губотдела ГПУ. В 1925–1929 гг. – председатель Запорожского окрисполкома, заместитель председателя правления Укрсельбанка. С 1929 г. на советской и хозяйственной работе на Украине, в частности, с 1934 г. работал в Днепропетровске уполномоченным Госстройконтроля. Расстрелян 29 сентября 1938 г. в Днепропетровске по приговору выездного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР. Реабилитирован.

⁷⁷ Чемеринский (Чемерисский) Александр (Соломон) Ильич (1878–1942). С 1900 по 1903 г. – член Независимой еврейской рабочей партии. С 1905 по 1919 г. – член Бунда. Большевик с июня 1919 г. Окончил начальное училище. С конца XIX века участвовал в Еврейском профсоюзном движении. Участвовал в первой русской революции. В 1908–1910 гг. отбывал ссылку в Сибири, затем находился в эмиграции в Швейцарии (до Февральской революции). В 1917–1918 гг. – член ЦК Бунда. Весной 1919 г. участвовал в создании на Украине коммунистического Бунда, с которым в июне перешел в компартию. В марте-августе 1919-го – председатель совета профсоюзов Одессы, затем на подпольной работе на Украине. С февраля до июля 1920 г. вновь возглавлял одесские профсоюзы и входил в состав губкома партии. В 1920–1922 гг. – секретарь Еврейской секции при секретариате ЦК РКП(б). В 1922–1924 гг. – член президиума Губземлеса, председатель Райстрахкассы. С 1924 по 1930 г. – секретарь Центрального бюро Еврейской секции при ЦК ВКП(б). В 1934 г. был исключен из партии, арестован и выслан в Казахстан за сокрытие работы с 1899 г. на руководителя Московского охранного отделения С. В. Зубатова, под контролем которого он участвовал в создании Еврейской независимой рабочей партии. Позднее работал фотографом-ретушером в Ярославле. В 1939 г. арестован вновь и осужден. Умер в лагере (Коми АССР). Реабилитирован.

⁷⁸ Октябрь на Одесчине. С. 360.

академии, он служил на командных, штабных и политических должностях на Балтийском флоте, в частности в начале 1930-х годов командовал крейсером «Аврора». Кроме Гражданской он принял участие еще в двух войнах: испанской, на которой был советником командующего республиканской флотилией, и Великой Отечественной – в качестве начальника штабов Ленинградской военно-морской базы и Ладожской флотилии. Между же участием в этих войнах у него было двухгодичное пребывание под следствием в камере Ленинградского УНКВД. В апреле 1945 года, направляясь в командировку в Берлин, Александров, за 8 месяцев до этого аттестованный в звании контр-адмирала, погиб в авиакатастрофе⁷⁹.

В воспоминаниях, опубликованных в 1927 году, Александров рассказывал:

«Отправились мы вместе с Болкуном (одесский швейник Филипп Ефимович Болкун, был большевиком с 1917 года; в апреле 1919 года он станет первым председателем советского губисполкома, правда, пробудет на этой должности около месяца и затем вернется на прежнюю работу в швейный профсоюз. – **О. К.**) и Фельдманом на Николаевский бульвар в штаб союзников. Когда мы вошли в штаб, нас ввели в комнату, где находились генерал д'Ансельм и начальник его штаба полковник Фрейденберг. Д'Ансельм принял нас любезно, но на предложение товарища Фельдмана передать власть в руки Советов (Фельдман свободно владел французским языком и вел все переговоры) ответил отказом и настаивал на сохранении в городе полного порядка и недопущении каких-либо эксцессов против эвакуировавшихся союзных войск, угрожая в противном случае обстрелом города с военных судов. Мы поставили ряд условий со своей стороны, среди которых было недопущение увода судов Черноморского торгового флота, оставление в Одессе ценностей банков и т. д. При этих условиях генералу д'Ансельму гарантировалось сохранение порядка в городе и свободная эвакуация французских войск. Полковник Фрейденберг, сидевший тут же, говорил с нами полупрезрительным тоном, стараясь узнать, какие вооруженные силы у нас есть, какое количество штыков может поддержать наши требования. От имени делегации Фельдман потребовал, чтобы Фрейденберг не участвовал в наших переговорах, и д'Ансельм, очевидно, желавший добиться каких-то результатов, предложил Фрейденбергу оставить нас. Однако мы не добились путем переговоров никаких результатов и удалились, оставив за собой право действовать, как нам заблагорассудится...»⁸⁰.

Об анархисте Александре Х. Фельдмане (полного его отчества нам установить не удалось), везде писавшемся как «товарищ Саша Фельдман», нужно сказать подробнее, так как много раз будет фигурировать в нашем исследовании. Отрывочные биографические сведения о нем привела 6/19 октября 1919 года газета «Одесский листок»:

«Сын зажиточных родителей из Бессарабии, Фельдман побывал в Америке, связался с анархистами, возвратившись в Россию, принял участие в революции ее последнего большевистского периода. Во время пребывания в Одессе французов Фельдман вел активную подпольную работу, состоял в союзе строительных рабочих. Французы искали Фельдмана, а он в это время выступал в Центропрофе, вел кампанию против руководивших меньшевиков и свалил их».

⁷⁹ Лурье В. М. Адмиралы Военно-морского флота СССР // Новый часовой. 1994. № 2. С. 193–194.

⁸⁰ Октябрь на Одессине. С. 437.

Восстание в Одессе было не чисто большевистским, как об этом обычно утверждалось в советской литературе, а левосоциалистическим. Одесский подпольщик, левый эсер И. Алексеев (Небутев) вспоминал, что, окончательно договорившись о восстании, коммунисты выставили 130 боевиков, его партия – 80 и анархисты – 50⁸¹.

«Наш отряд, – рассказывал Алексеев, – поместился в „Доме Трудолюбия“. Мы построились. Наверху к городу окопы, и в них маячат фигуры греческих солдат. Уклоняясь от них, я повел отряд к Пересыпскому мосту Государственной охраны. Не доходя шагов восемьсот, мы рассыпались в цепь и бросились в атаку. Из района выбросили белый флаг. Послали делегацию. Милиционеры сдали оружие и признали советскую власть... В „Доме Трудолюбия“ беспрерывно работал телефон – это различные учреждения и воинские части заявляли себя солидарными с советской властью и отдавали себя в ее распоряжение.

В одиннадцать часов из помещения городской управы мне позвонил Саша Фельдман. Он сообщил, что все окраины в наших руках, а из Городского района белые начали эвакуироваться, им перерезают путь железнодорожники. Саша предлагал мне не вступать в конфликт с французскими войсками, так как президиуму удалось договориться с Д'Ансельмом, который обязался в четырехдневный срок вывести из Одессы все свои войска»⁸².

А вот что рассказывали о своей роли в смене власти в городе спустя 13 лет после описываемых событий в письме Максиму Горькому, работавшему над подготовкой «Истории Гражданской войны», члены Союза пекарей – участников Гражданской войны в Одессе:

«В последних числах марта Григорьев усиленно наступал на Одессу и издал воззвание к рабочим, чтобы они захватили власть в свои руки. Воззвание Григорьева было подпольно зачитано во всех пекарнях, где было спрятано оружие.

Штаб боевых дружин Молдаванского района послал Григорьеву делегацию. Посланы были Саша Фельдман и от пекарей т. Матьяш... 31 марта охрану в районе Молдаванки уже несли дружинники-рабочие. Таким образом, они захватили Молдаванку, арсенал по 2-й заставе и артсклады, откуда и снабжались дополнительно оружием. 2 апреля дружина пекарей получила дополнительно винтовок... За три дня патрулирования по городу разоружались всякие белогвардейцы, попадавшие на Молдаванке. 3 апреля было получено распоряжение от штаба боевых дружин, которые уже полулегально находились на Болгарской, 53, освободить из тюрьмы всех политзаключенных.

Комендантом города был назначен Домбровский. 5 апреля вошли в город части Григорьева, и, таким образом, была установлена твердая власть Советов. Дружина пекарей несла охрану самых важных участков окраин, охраняла порт, таможенные склады и боролась с уголовниками... Когда приехал Григорьев и сделал парад всех войск, вышла на парад и дружина пекарей как сильная боевая единица...»⁸³.

4 апреля вооруженные отряды заняли помещения Государственной стражи, телеграф, почту, банк, арсенал.

В связи со сменой власти хотелось бы привести еще один любопытный эпизод, связанный с похоронами «жертв контрреволюции», проведенными 13 апреля 1919 года.

Вот что записала в своем дневнике Вера Муромцева-Бунина:

⁸¹ Алексеев И. (Небутев). Из воспоминаний левое эсера (Подпольная работа на Украине). М., 1922. С. 46.

⁸² Там же. С. 51.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 572. Л. 10–11.

«31 марта/13 апреля.

Сейчас видели гражданские похороны. В России всегда лучше всего умели хоронить – при всех режимах. Не символ ли нашей страны? Большевики тоже постарались. Похороны помпезные. Масса красных знамен с соответствующими надписями, были и черные (анархистские. – *О. К.*) с еще более свирепыми – „смерть буржуям“, „за одного нашего убитого смерть десяти буржуям“... Оркестр играет марш Шопена. Покойников несут в открытых гробах. Я видела несколько лиц, почему-то очень темных, но только у одного кровоподтек на правой стороне лица. Некоторые имеют очень спокойное выражение, значит, умерли легко, а вовсе это не „жертвы добровольческих пыток“, как писалось в их безграмотных газетах. Вместо венчика полоска красной материи вокруг лба. Процессия очень длинная. Я стою около часа на Херсонской и вижу, как идут китайцы с очень серьезными лицами, – отношение к смерти у них иное, какое-то древнее, и, смотря на них, я испытываю странную жуть. Впереди гробов разные депутации с венками, увитыми красными лентами... Масса барышень, студентов, рабочих. Порядок образцовый»⁸⁴.

В качестве караула были выделены: из григорьевцев – пехотный батальон, кавалерийская сотня, легкая батарея; из комендантских частей Домбровского – кавалерийская сотня и рота пехоты, по одному батальону Белорусского, Бессарабского, 1-го Одесского советских полков и, наконец, упоминаемый Буниной взвод китайцев⁸⁵. Как мы видим, караул был более обстоятельный. Вот только объект похорон вызывает сомнения. Дело в том, что Владимир Маргулиес записал в своем дневнике, что знакомый врач из университетского морга, куда привозились трупы расстрелянных и убитых, ему рассказывал, что устроители похорон явились в морг и потребовали выдачи определенного количества трупов, «мало смущаясь, что это трупы различных грабителей и воров»⁸⁶. Трупы же многих действительных жертв многочисленных контрразведок, к которым иногда пытки применялись, перед уходом белых и интервентов, обычно топились в море. Так что если информация Маргулиеса соответствует действительности, то, вполне вероятно, следов «физических мер воздействия» и нельзя было видеть, поскольку уголовников не пытали, как, впрочем, в последний месяц часто и не судили, а расстреливали при задержаниях и облавах.

6 апреля 1919 года бывший подпольный ревком стал легальным губисполкомом, который сначала возглавил Филипп Болкун, а затем менее чем через месяц его сменил Иван Клименко, тот самый Клименко, который в ноябре 1918 года в начале французского вторжения штурмовал вместе с Мишкой Япончиком одесскую тюрьму. Секретарем исполкома стал анархо-коммунист Александр Фельдман.

Появились первые народные комиссары (так высокомерно, по аналогии с российской и украинской столицами, в Одессе назывались органы отраслевого управления – впрочем, подобное имело место в то время во многих провинциальных городах) созданного большевиками городского правительства. Комиссаром по делам юстиции стала Елена Соколовская, вскоре перешедшая в губком партии вторым секретарем, комиссаром по военным делам – Филипп Анулов, покупавший при французах оружие у Мишки Япончика, комиссаром по национальным делам – Бенцион Духовный (позже он возглавит комиссариат финансов), комиссаром по делам продовольствия – левый эсер Виктор Милан; местами заключения, в

⁸⁴ Устами Буниных. Т. 1. С. 191–192.

⁸⁵ Маргулиес В. С. Указ. соч. С. 59.

⁸⁶ Там же.

том числе знаменитой одесской тюрьмой, стал заведовать большевик с 1917 года Михаил Трюх, участник октябрьского восстания в Петрограде, где был делегатом от Одесского совдепа на II Всероссийском съезде Советов, наконец, комиссаром просвещения стал только что вступивший в левозсеровскую партию уже больше года стоявший на «советских позициях» профессор-историк Евгений Щепкин. «Да этот хоть сумасшедший, но культурный человек, — с возмущением говорил в те дни жене Иван Бунин о Щепкине, которого он знал еще с дореволюционных времен, — а ведь остальные — полные невежды и мерзавцы»⁸⁷. Судя по всему, остальные комиссары для писателя представлялись выходцами из нелюбимых ему дорвавшихся до власти «пролетариев» или «полупролетарских» слоев.

⁸⁷ Устами Буниных. Т. 1. С. 188.

Часть вторая. «Окаянные дни» в Одессе: как это было

«Пришло человек шестьсот каких-то „григорьевцев“»

6 апреля 1919 года в Одессу вступили части 1-й Заднепровской бригады во главе с атаманом Григорьевым. Бывший штабс-капитан царской армии Никифор Александрович Григорьев был типичным военным авантюристом времен Гражданской войны. Он был «на плаву» при любых властях в зависимости от обстановки и личной выгоды. Служил он в Центральной раде, и гетману Скоропадскому, и Петлюре, а теперь прибил к большевикам, публично именую себя освободителем Одессы. Вот как описывает Иван Бунин в той части дневника, который затем составили его знаменитые «Окаянные дни», вступление в Одессу одной из частей атамана Григорьева:

«Вообще, что же это такое случилось? Пришло человек шестьсот каких-то „григорьевцев“, кривоногих мальчишек во главе с кучкой каторжников и жуликов, кои взяли в полон миллионный, богатейший город! Все помертвели от страха, прижукнулись. Где, например, все те, которые так громили месяц тому назад добровольцев?»⁸⁸.

В первый же день подписанный Григорьевым, как «командиром 1-й бригады Заднепровской Советской дивизии и партизанов Херсонщины и Таврии», приказ № 1, обращенный к «гражданам Одессы», в частности, гласил:

«Сохраняйте порядок. Преследуйте воров, мародеров, бандитов и всех вообще, чем-либо нарушающих порядок и спокойствие мирных граждан...

Вторжение кого бы то ни было в чужой двор или жилище без согласия на то хозяина карается смертью как за бандитизм. Все обыски, аресты и реквизиции без надлежащего мандата пресекать на месте силой оружия...

Временно, до назначения постоянного коменданта, комендантом Одессы и его (так в тексте. – **О. К.**) окрестностей, нач. штаба 1-й бригады Заднепровской Сов. дивизии тов. Тютюнника (речь идет о бывшем заместителе командира Ударного петлюровского куреня 28-летнем Юрии Иосифовиче Тютюннике, с начала 1919 года служившем у Григорьева. – **О. К.**), а его помощником – тов. Сербина. Под комендантское управление занять здание штаба Одесского военного округа»⁸⁹.

Однако тем, кто, по выражению Бунина, «громил» месяц тому назад белых добровольцев, находясь в подполье, тоже было весьма непросто с непокорным атаманом. Уже в ближайшие дни Григорьев стал нарушать многие пункты своего собственного первого приказа. Приставленные к нему комиссары Ратин и Шафранский покинули атамана за невозможностью хоть как-то контролировать его деятельность (и не только с политической точки зрения).

Елена Соколовская в уже цитировавшихся воспоминаниях писала:

⁸⁸ Бунин. И. А. Окаянные дни. Тула, 1992. С. 42.

⁸⁹ Маргулис В. Указ. соч. С. 47–49.

«...Затем история с Григорьевым. Он в Одессу вступил 6 апреля с большой помпой, встретили его торжественно. Был пленум Совета, были речи. Но в дальнейшем его отношение к нам оказалось странным. Вечером оказалось, что его войско распоряжается в наших пакгаузах, тащит все, что там есть, – шелка, сигары, табак. Нам нельзя было справиться с этим грабежом своими силами, и мы обратились к Григорьеву, а он заявил, что ничего сделать не может, потому что: как же так, его дядьки воевали-воевали, а теперь ничего не получают? Оказалось, что он, проходя по селам, распространял прокламации, чтобы „дядьки“ брали своих жен и детей и айда в Одессу. Он говорил, что в Одессе так много всего, что им хватит и с их женами, и с их семьями. Затем он хотел идти на Румынию, но тут побоялся, как бы его „дядьки“ не провалили бы.

Дело было так, что мы в первый момент могли бы арестовать Григорьева, потому что знали, что когда он вступил в Елисаветград, то его части устроили там еврейский погром... Но в это время к нам приехали Антонов-Овсеенко и тов. Подвойский (В. А. Антонов-Овсеенко и Н. И. Подвойский в указанное время занимали посты соответственно командующего Украинским фронтом и Наркомвоена Украины. – **О. К.**). Приехали они затем, чтобы главным образом Григорьева прибрать к рукам. Мы предупреждали Антонова-Овсеенко и о войске Григорьева, и о методах командования, и о Тютюннике. Но Антонов-Овсеенко все-таки поехал к Григорьеву. Он не доехал до него, потому что на одной из станций было получено извещение, что Григорьев отходит от советской власти.

В это время Григорьевым была выпущена его знаменитая прокламация, которая начиналась словами: „Народ украинский – народ замученный“. Григорьев заявил, что он начинает с этого момента воевать против советской власти. Это началось в Елисаветграде.

С Григорьевым мы начали воевать, и против него выступил Жгенти (грузинский большевик с 1903 года Тенгиз Жгенти был военкомом Елизаветграда, а затем замгубвоенкома Одессы. – **О. К.**). Это был один из критических моментов, когда григорьевское войско двинулось на Одессу против нас. Это было в конце апреля или в начале мая. Григорьев был близко от Одессы, положение было тяжелое...»⁹⁰.

5(18) мая Бунин записал:

«Только тем и живем, что тайком собираем и передаем друг другу вести. Для нас главный притон этой контрразведки на Херсонской улице, у Щ. Туда приносят сообщения, получаемые Бупом (бюро украинской печати). Вчера в Бупе будто бы была шифрованная телеграмма: „...Григорьев окружает Одессу, издал „Универсал“, которым признает советы, но такие, чтобы „те, что распяли Христа, давали не более четырех процентов“. Сообщение с Киевом будто бы совершенно прервано, так как мужики, тысячами идущие за лозунгами Григорьева, на десятки верст разрушают железную дорогу. Плохо верю в их „идейность“. Вероятно, впоследствии это будет рассматриваться как „борьба народа с большевиками“ и ставиться на один уровень с добровольчеством. Ужасно. Конечно, коммунизм, социализм для мужиков, как для коровы седло, приводит их в бешенство. А все-таки

⁹⁰ Соколовская Е. Указ. соч. С. 370–371.

дело заключается больше всего в „воровском шатании“, столь излюбленном Русью с незапамятных времен, в охоте к разбойничьей вольной жизни, которой снова охвачены теперь сотни тысяч отбившихся, отвыкших от дому, от работы и всячески развращенных людей»⁹¹.

«Губернский исполнительный комитет, – вспоминала Соколовская, – обсуждал создавшееся положение... Было настроение вести войну до конца. Затем начались некоторые колебания. Один товарищ выступил и заявил, что мы должны на время замаскироваться и передать власть эсерам (левым. – *О. К.*), пусть они правят пока, а мы уйдем в подполье до тех пор, пока не подойдут подкрепления из Москвы (! – *О. К.*). Тогда Жгенти заявил, что мы могли бы выдержать, но наши войска слабы, а григорьевские войска дерутся как сумасшедшие, потому что они всегда дерутся под самогоном, и предложил дать нашим войскам спирту (из слов этого уроженца региона виноделия выходило, что победит тот, кто окажется „под большим градусом“?! – *О. К.*). Ни то, ни другое предложение не прошло. С Григорьевым мы все же справились»⁹². Под «мы», естественно, следовало понимать части Красной армии, а не только и не столько одесские власти.

Упомянутая Соколовской прокламация, получившая название «Универсал», фактическим автором которой, по всей видимости, являлся Тютюнник, провозглашала «Власть Советов народа Украины без большевиков». Кроме того, в нем устанавливались процентные нормы для национальностей, входивших в состав Советов, соответствующие их численности на Украине (80% – для украинцев [естественно, русские не выделялись, все восточнославянское население бывшей Малороссии именовалось украинцами], для евреев – 5%, для остальных – 15%)⁹³. Восстание охватило Николаевщину, Херсонщину и Екатеринославщину. Были захвачены Умань, Кременчуг, Черкассы и даже на 3 дня Екатеринослав. И практически везде оно сопровождалось многочисленными грабежами, погромами и массовыми убийствами, преимущественно евреев.

После объявления 10 мая советским командованием Украины Григорьева вне закона против него были брошены многочисленные воинские силы под руководством Павла Дыбенко, Климента Ворошилова, Александра Пархоменко. При этом 2 июня 1919 года Антонов-Овсеенко отбил телеграмму Ленину и Троцкому, в которой говорилось, что «Ворошилов терпит на своем оперативном участке большие неудачи, исправленные успехами других командующих»⁹⁴. Только к концу мая общими силами удалось разгромить основные силы Григорьева. Нечего и говорить, что одни одесситы своими силами против восставших ничего бы сделать не смогли.

Григорьев с остатками своей армии летом 1919 года попытался соединиться с частями Нестора Махно. Однако союз двух «батек» продолжался недолго. 27 июля на крестьянском сходе в селе Сентово вблизи Александрии, организованном Махно, один из его командиров, Алексей Чубенко, предъявил присутствовавшему там же Григорьеву связь с белогвардейцами, ограбление крестьян-бедняков, еврейские погромы и, наконец, более частное обвинение: расстрел двух махновцев. Последний пытался все отрицать, но потом, поняв, к чему идет дело, выхватил маузер. Однако Чубенко был явно готов к такому повороту событий, и выстрел из его пистолета опередил григорьевский, отправив «атамана Херсонщины и Таврии» в мир иной⁹⁵.

⁹¹ Бунин И. А. Указ. соч. С. 87–88.

⁹² Соколовская Е. Указ. соч. С. 371.

⁹³ Зинько Ф. 3. Одесситами не рождаются. Книга вторая. С. 294.

⁹⁴ Там же. С. 297.

⁹⁵ Савченко В. А. Авантюристы Гражданской войны. С. 125.

Юрко Тютюнник еще за две недели до гибели своего атамана с большой группой бойцов вернулся к Петлюре, которым был произведен в генерал-хорунжий, получил командование несколькими дивизиями армии Украинской народной республики. Тютюнниковские части в начале 1920-х годов совершали опустошительные рейды по красным тылам на Украине, сопровождавшиеся колоссальной резней и погромами. В 1923 году, вновь оказавшись на советской территории, Тютюнник сдался властям и затем был амнистирован специальным постановлением Всеукраинского ЦИКа, что было весьма выгодно в условиях начавшейся в республике «украинизации». В 1920-е годы он преподавал в харьковской «Школе червонных старшин», писал киносценарии, в том числе для Александра Довженко, и даже сыграл самого себя в фильме «ПКП». Однако в 1929 году ГПУ Украины Тютюнник вновь был арестован, а в следующем году расстрелян.

«„День мирного восстания“ уже начался, грабеж уже идет»

Весной 1919 года Одесса переживала серьезный экономический кризис. В городе не хватало продовольствия, керосина, мыла, городская казна была пуста. Откуда новой власти было взять средства на его, хотя бы частичное, преодоление? В соответствии с ее установками для советских руководителей города и губернии ответ был ясен: у имущих классов.

27 апреля Владимир Маргулиес записал, что днем раньше на бирже состоялось собрание мелкой и средней буржуазии, заседавшей по секциям. На нем выступил секретарь исполкома Фельдман, который заявил:

«Много я говорить не намерен. Если вы ждете страшных слов, то ошибаетесь, если же вы ждете страшных действий, то не ошибаетесь. Мы считаем вас врагами сов. власти, но полагаем, что и врагов надо предупреждать... Вы оттягиваете внесение возложенной на вас контрибуции, и мы считаем это неуважением к советской власти. Завтра вам будет дан предельный срок; если к определенной минуте деньги не будут внесены, то мы всех вас арестуем... и будем держать до тех пор, пока деньги не будут внесены... Если аресты не помогут, то нас не смутят и расстрелы, как не смутили они вас, когда расстреливали рабочих». После Фельдмана выступил представитель комендатуры, заявив, что «если понадобится военная сила, чтобы принудить буржуазию вернуть награбленные ею деньги, то готовая сила есть, она ждет лишь сигнала»⁹⁶.

Первоначально комиссия по обложению буржуазии была создана из ее представителей – преимущественно банковских управленцев. Но уже в конце апреля в полном составе она была арестована во время своего заседания отрядом коменданта Одессы. Мотивом ареста был объявлен саботаж, выразившийся, с одной стороны, в «недостатке энергии, проявленной при работе» (!), а с другой – в неправильном распределении обложения⁹⁷.

Вскоре Одесский совет рабочих депутатов образовал другую комиссию – теперь уже «революционную» – Верховную коллегия по обложению буржуазии контрибуцией в составе секретаря исполкома Александра Фельдмана, заведующего финансовым отделом Бенциона Духовного, окружного военного комиссара Артема Кривошеева, коменданта города Виталия Домбровского и представителя комитета юстиции⁹⁸. В отношении буржуазии и зажиточного населения города Александр Фельдман выступил с идеей проведения акции, которую он назвал «День мирного восстания».

28 апреля (11 мая) Иван Бунин, прочитав в одесских газетах информацию о взятии на учет буржуазии, задался вопросом, как это понимать, и ответ получил в тот же день от дворника дома, где они с женой жили: «Фома сообщил, что послезавтра будет „чистое светопредставление“: „День мирного восстания“, грабеж всех буржуев поголовно»⁹⁹. Недоумение вызвало это известие не только у него, но и, естественно, у Веры Николаевны: «Что за бессмысленное сочетание слов – „мирное восстание“? – вопрошала она в своем дневнике. – И как может восставать правительство? Говорят, что отбирать будут все, оставляя только самое необходимое и то в очень малых размерах. Как-то даже не верится. Ведь этим они возмутят всех, восстаноят против все население»¹⁰⁰. Но Фома оказался прав.

Маргулиес 13 мая записал в дневнике:

⁹⁶ Маргулиес В. Указ. соч. С. 105.

⁹⁷ Там же. С. 106.

⁹⁸ Шкляев И. История Одесской Губчека. С. 46.

⁹⁹ Бунин И. А. Указ. соч. С. 82–83.

¹⁰⁰ Устами Буниных. Т. 1. С. 206.

«Большевиками сегодняшний день объявлен „Днем мирного восстания“. Вначале – всеобщее недоумение... Никто сразу не соображает, что скрывается под этим таинственным названием. Разгадка находится в опубликованных приказах»¹⁰¹. Их, выпущенных Одесским губисполкомом и опубликованных в местных «Известиях», он приводит далее:

«Согласно постановлению пленума Совета рабочих депутатов, объявляется на сегодня, 13 мая, учет имущества... в Городском районе, ограниченном улицами Белинского, Старо-Портофранковской, Новорыбной и Приморской, с целью изъятия у имущих классов излишков продовольствия... денег, драгоценностей и всего прочего, необходимого всему трудовому народу, рабочим и крестьянам в тылу и на фронте... специальными рабочими комиссиями, у которых должны быть красные мандаты за печатью комиссии „Мирного восстания“...

Всякий учет, реквизиция или конфискация в этот день вне границ этого района запрещаются под страхом расстрела. Каждая комиссия помимо своего мандата снабжена инструкцией, которую она сама, равно как и все граждане города, обязана строжайше соблюдать под страхом строжайшего наказания перед судом революционного трибунала...

На этот день, начиная с 9 утра до 8 вечера по советскому времени, в Городском районе, согласно вышеуказанным его границам, закрываются все лавки, магазины, за исключением тех, которые торгуют съестными припасами, фруктами, и аптек. После 8 часов вечера... все комиссии прекращают свои действия; все производящие после этого срока учет и конфискацию с мандатами и без оных объявляются вне закона как грабители и злейшие контрреволюционеры»¹⁰².

К приказу прилагалась инструкция по проведению «Мирного восстания»:

«...2. Осмотр распространяется на все без исключения квартиры; конфискации же подлежит имущество банкиров, фабрикантов, заводчиков, управляющих и директоров заводов и фабрик, владельцев шахт и других крупных предприятий, купцов 1-й гильдии, всех владельцев оптовых торговых предприятий, биржевиков, маклеров, членов всяких акционерных о-в, всех бывших помещиков. Арендаторов крупных имений, домовладельцев, дома которых оценены в губернских городах от 15 тысяч и выше, в уездных городах – от 10 тысяч и выше, по оценке довоенного времени, частных владельцев крупных лечебных заведений, а также лиц, имеющих денежный капитал от 15 тысяч рублей и выше. Советские служащие, подходящие по своему положению к одной из перечисленных групп, от исполнения данной натуральной повинности не освобождаются.

Лавки, магазины и аптеки осмотру не подлежат... <...>

5. Объявить, что... жалобы на действия комиссии принимаются, но о дне их разбирательства будет объявлено особо.

Список вещей, подлежащих конфискации и берущихся на учет:

а) обувь. Сапоги отбираются, ботинки остаются только те, которые находятся на ногах владельцев;

б) постельные принадлежности. Одеяла оставляются по 1 на каждую кровать. Простыни – по 2 на каждую кровать. Подушки – по 2 на

¹⁰¹ Маргулис В. Указ. соч. С. 134.

¹⁰² Там же. С. 135–136.

двухспальную кровать. Наволочки – по 2 на подушку. Матрацы – по 1 на кровать. Кровати – только по числу жильцов, остальные берутся на учет; <...>

г) платья. Костюмы оставляются по одному. Дамские платья по 2 (1 летнее и 1 зимнее). Френчи, мундиры и вообще военные платья отбираются, если данное лицо не служит в военном учреждении и ему по долгу советской службы такое платье не полагается, шубы. Теплое белье и ковры берутся на учет; <...>

ж) деньги и драгоценности. Деньги оставляются у владельца по расчету не свыше 1000 руб. на каждого члена семьи, причем отсутствующие члены могут быть приняты во внимание только при наличии документов, доказывающих принадлежность к данной семье. Золотые и серебряные монеты конфискуются; взамен выдаются бумажные денежные знаки в размере, не превышающем указанной выше суммы... обручальные кольца, кресты, предметы религиозного культа и черные часы остаются;

з) мануфактура. Какая бы то ни было мануфактура отбирается, за исключением раскроенной и находящейся в работе;

и) пишущие и швейные машины. Отбираются, если принадлежат владельцу, не работающему на них, и не служат средством к существованию владельца;

к) автомобили, мотоциклы. Дамские и мужские велосипеды, экипажи, сбруя отбираются, если не служат средством к существованию владельца;

л) все виды топлива и смазочные масла отбираются.

Обнаруженные крупные склады продовольствия, оставляются часовые»¹⁰³.

Предоставим слово Надежде Улановской, которая вместе с мужем принимала участие в этой акции:

«Алеша входил в комиссию исполкома по изъятию излишков. Эта комиссия объявила „День мирного восстания“. Ходили по домам, иногда заходили в брошенные квартиры, брали все, что попадется под руку, и свозили на склад. Я видела столько нищеты на Молдаванке и у себя дома, что не находила в этих действиях никакой несправедливости. Я принимала и записывала излишки. Буржуазию обложили контрибуцией, при этом каждый имел право оставить себе, например, по две пары ботинок. Подумаешь! У меня тогда ни одной целой пары не было. Я присутствовала при такой сцене: одна женщина жаловалась Алеше: „Нам оставили всего по две простыни на человека!“ Он возразил: „Ну и что? Я без простынь всю жизнь спал“. В это время и нам выдали кое-что со складов. Я получила совсем целое платье и, очень довольная, пришла в нем домой. Не знаю, как на других складах, а у нас Алеша себе не взял даже пары портянок, хотя ему и нужны были. Сказал: „Все равно пойду на фронт, там дадут“»¹⁰⁴.

Очевидец этих событий «с другой стороны» – Иван Бунин – писал в «Окаянных днях»:

«Ужасное утро! Пошел к Д., он в двух штанах, в двух рубашках, говорит, что „день мирного восстания“ уже начался, грабеж уже идет; боится, что отнимут вторую пару штанов.

¹⁰³ Там же. С. 138–140.

¹⁰⁴ Улановская Н. М., Улановская М. А. Указ. соч. С. 35.

Вышли вместе. По Дерибасовской несется отряд всадников, среди них автомобиль, с воем, переходящим в самую высокую ноту. Встретили Овсяннико-Куликовского (историк, филолог и литературовед, почетный академик Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский. – **О. К.**). Говорит: „Душу раздирающие слухи, всю ночь шли расстрелы, сейчас грабят“.

Три часа. Опять ходили в город: „День мирного восстания“ внезапно отменен. Будто бы рабочие восстали. Начали было грабить и их, а у них самих куча награбленного. Встречали выстрелами, кипятком, камнями.

Ужасная гроза, град, ливень, отстаивался под воротами. С ревом неслись грузовики, полные товарищей с винтовками. Под ворота вошли два солдата. Один большой, гнутый, картуз на затылок, ломает колбасу, отрывая куски прямо зубами, а левой рукой похлопывает себя ниже живота:

– Вот она, моя коммуна-то! Я так прямо и сказал ему: не кричите, ваше иерусалимское благородие, она у меня под пузом висит...»¹⁰⁵.

Так прошел, по описанию Бунина, придуманный новыми властями «день мирного восстания», полный тревог и волнений, грабежей, насилия и беспорядков, полный самых невероятных слухов.

Впрочем, уже к часу дня по всему городу властями были распространены объявления следующего содержания:

«По постановлению президиума исполкома приказываю немедленно приостановить все обыски и реквизиции, назначенные на сегодня в связи с „Днем мирного восстания“. Контролерам немедленно приказываю прекратить обыски и явиться в штаб „Мирного восстания“. Комендант города Домбровский»¹⁰⁶.

Предоставим слово В. Маргулиесу:

«Что произошло, и почему советская власть вынуждена была с такой быстротой отменить это „святое дело восстановления прав пролетариев города и деревни“?

Дело в том, что, составляя инструкцию „Дня мирного восстания“, большевики (впрочем, главный „составитель“ – Фельдман – был анархистом. – **О. К.**) сделали громадную тактическую ошибку, не освободив от обысков квартиры рабочих, мелких советских служащих и т. д.

Когда в 9 часов утра комиссии начали свою „работу“ и когда о Мирном восстании стало известно во всем городе, началась страшная паника. Я не говорю о буржуазии, но именно о рабочих. Большинство заводов прекратило работу, и „коммунисты“ разбежались по своим домам защищать свою собственность от незаконного посягательства. Разыгрывались дикие сцены: комиссии, состоявшие по преимуществу из мальчишек и подозрительных девиц (невольно вспоминаются супруги Улановские, хотя Александр к тому времени уже давно вышел из мальчишеского возраста. – **О. К.**), встречались проклятиями, бранью, а во многих случаях дело доходило даже до применения физического воздействия и кипятка. Страсти разгорались... Ничего другого не оставалось, как с болью в сердце реквизиции приостановить, иначе отдельные случаи сопротивления могли вылиться

¹⁰⁵ 105. Бунин И. А. Указ. соч. С. 83.

¹⁰⁶ Маргулиес В. Указ. соч. С. 141.

в подлинно народный бунт. Так бесславно закончился День мирного восстания»¹⁰⁷.

14 мая в «Известиях» было опубликовано воззвание исполкома по поводу провала «Мирного восстания». Фельдман тогда же выступил на собрании рабочих водного транспорта, состоявшемся в Городском театре, где сделал следующее заявление:

«...Случилось то, что называется позором: „Мирное восстание“ оказалось сорванным по вине рабочего класса.

В штабе „Мирного восстания“ было дано знать от рабочих Русского О-ва парох. и торг. (РОПиТ), что завод сейчас же остановится, рабочие возбуждены, т. к. их грабят. Буржуазия бросилась в рабочие кварталы и стала там прятать свое добро... Больно сознавать, что рабочие как бы вступились за буржуазию»¹⁰⁸.

Официальное сообщение об итогах «Мирного восстания» выглядело следующим образом:

«Ввиду провокационных выступлений контрреволюционных элементов и использования момента разными грабителями и налетчиками назначенное на вчера „Мирное восстание“... было приостановлено.

Комиссии по конфискации вещей встречены были с оружием в руках, с ножами. Их не подпускали близко к квартирам. Во многих местах были избиения членов этих комиссий. Наряду с этим на Молдаванке, на Дольнике и в других рабочих кварталах действовали преступные элементы, которые пробирались в дома и забирали что было перед их глазами, даже мебель...»¹⁰⁹.

Провалившемуся «Мирному восстанию» было посвящено заседание пленума Совета рабочих и крестьянских депутатов, состоявшееся 14 мая. Выступавшие на нем исполкомовские работники вели себя довольно воинственно.

Со вступительной речью выступил Иван Клименко, сменивший на посту predisполкома в начале мая Филиппа Болкуна, при котором он заведовал отделом управления:

«Товарищи, мы совершили ошибку, но это не доказывает, что мы должны отказаться от задуманного дела... К сожалению, рабочие не выдержали экзамена своей политической зрелости... Мы дали буржуазии трехдневный срок для взноса разных вещей ради того, чтобы в спешном порядке одеть и обути наших красноармейцев.

Через несколько дней мы все же должны будем взяться за прекращенное вчера предприятие, конечно, более организовано и планомерно. И для того мы должны надлежащим образом подготовиться»¹¹⁰.

А вот что сказал окрвоенком Одессы Артем Трифонович Кривошеев, бывший матрос Черноморского флота, большевик с 1918 года, а до этого, вероятно, как и Фельдман, анархист:

«...Дело в том, что мы сами еще преисполнены обывательским чувством собственности. Рабочая баба дрожит за свой лишний аршин ситца... Многие рабочие укрывали везде буржуев, есть еще у нас много

¹⁰⁷ Там же. С. 142.

¹⁰⁸ Там же. С. 144–145.

¹⁰⁹ Там же. С. 146.

¹¹⁰ Там же. С. 153.

лакеев, которые без барина жить не могут. Надо сделать так: если буржуй предлагает деньги за что-нибудь, забрать деньги, а самого придушить. На это у нас еще не хватает сознания»¹¹¹.

Весьма любопытной была речь заведующего информационным подотделом отдела управления, левого бундовца Абрама Мережина¹¹², вскоре перешедшего в компартию:

«Не только буржуазия, но рабочие, если у них есть лишнее, должны отдать для армии. Бабы подняли крик по поводу какой-то посуды, а рабочие оставляли фабрики и заводы и прибежали спасать свое имущество. Помните, товарищи, что от победы на внешнем фронте зависит не существование тех или иных свобод наших, а жизнь наша. Речь идет о фактическом существовании пролетариата (! – *О. К.*). В случае нашего поражения буржуазия, пережившая страхи социальной революции, нас истребит (пролетариат или советских руководителей? Сам Мережин, кстати, до революции к рабочему классу отнюдь не принадлежал, а был учителем еврейской школы и журналистом. – *О. К.*). Что дороже – жизнь или излишки домашней утвари?.. Я говорю от своего имени: поддерживайте Красную армию, ибо во всем этом ваше спасение»¹¹³.

И снова выступил Фельдман, обрушившийся на одесский рабочий класс:

«...Рабочие поверили буржуазной провокации, но не поверили нам... Отовсюду начали звонить: грабят... Но когда были наведены справки (где и у кого? – *О. К.*), то оказалось, что никаких грабежей не было (! – *О. К.*). ...Меня мало беспокоит неудача с реквизицией, но очень волнует несознательное отношение к делу наших рабочих...»¹¹⁴. Таким образом, суть его выступления можно выразить одной фразой: «Пролетариат, ты не прав!»

И, наконец, весьма радикальным было выступление члена исполкома, бывшего николаевского рабочего, большевика Павла Ульянова, в прошлом елисаветградского руководителя. Он предложил снова приступить к начатому делу конфискации вещей у буржуазии, а для немедленной же поддержки красноармейцев реквизировать товары из магазинов¹¹⁵.

По итогам обсуждения пленум принял резолюцию, в которой срыв «Мирного восстания» объяснялся рядом технических (! – *О. К.*) условий, отсутствием достаточного количества необходимых для этой меры работников (по сути, известный принцип «кадры решают все»), а также недостаточно точной формулировки отдельных пунктов и инструкций (бюрократия подвела) – что эта мера применяется исключительно к имущему населению. Одновременно пленум Совета всецело одобрил приказ исполкома об обложении буржуазии необходимыми для Красной армии предметами, обязав ее в течение 3 дней представить все

¹¹¹ Там же.

¹¹² Мережин Абрам Наумович (Аврум Нахумович) (1880-?). С начала XX в. до 1905 г. – участник сионистского движения в России. В 1905–1917 гг. – меньшевик. С 1917 по 1919 г. – член Бунда. С июня 1919 г. – большевик. До революции сдал экстерном экзамен на звание учителя, работал учителем в еврейских школах Одессы, был журналистом. В 1919 г. – член президиума Одесского комитета Бунда. Весной 1919 г. – один из создателей коммунистического Бунда на Украине, с которым перешел в компартию. В апреле-августе 1919 г. – заведующий информационным подотделом и заместитель заведующего отделом управления Одесского губисполкома, после – на подпольной работе на Украине. В 1920–1924 гг. – инструктор ЦК РКП(б), заведующий Еврейским отделом Наркомнаца. С 1920 г. работал в Центральном бюро еврейской секции при ЦК РКП(б), в 1922–1924 гг. – его секретарь. С 1924 до начала 1930-х гг. – член президиума Комитета по землеустройству трудящихся евреев при ЦМК СССР. На 1937 г. – преподаватель обществоведения в одном из профессиональных учебных заведений. Арестован в 1937 г. и приговорен к десяти годам лагерей. Умер в заключении. Реабилитирован.

¹¹³ *Маргулис В.* Указ. соч. С. 154.

¹¹⁴ Там же. С. 154–155.

¹¹⁵ Там же. С. 155.

указанные излишки в определенные склады. Наконец, пленум заявил, что первоначально предпринятая мера изъятия всех излишков у буржуазии временно откладывается¹¹⁶.

Итогом неудавшегося «Мирного восстания» стало введение вещевой повинности. Согласно приказу исполкома в связи с тем, что Красная армия нуждается в обмундировании, взять его «у буржуазии, наймиты которой и сейчас с нашими доблестными пролетарскими красными войсками»¹¹⁷. Примером перехода же к более «точечным», но не менее экстремистским действиям по изъятию излишков у буржуазии может служить, в частности, опубликованное 25 мая в одесских «Известиях» постановление главной комиссии по обложению, утвержденное президиумом исполкома:

«Объявить Б. Х. Брудерзону, обложенному в один миллион рублей, как определенному и явному спекулянту, что если он не донесет еще пятьсот шестьдесят пять тысяч рублей, то он будет расстрелян. Срок истекает в четверг (29 мая. – *О. К.*)»¹¹⁸. В этом постановлении несложно узнать руку все того же Фельдмана.

Подводя итог акции «Мирное восстание», нужно отметить, что проводившаяся в условиях полной неразберихи, она вылилась в самый обыкновенный грабеж среди бела дня. Многие члены рабочих комиссий пользовались проводимой акцией для личной наживы, т. е. являлись попросту обыкновенными мародерами. И, наконец, как всегда бывает в подобных случаях, под видом подобных комиссий действовали воры и налетчики – для уголовного мира наступило благодатное время.

«День мирного восстания» стал одним из главных поводов для приезда в Одессу наркома рабоче-крестьянской инспекции Украины (в прошлом участника брест-литовских переговоров, полпреда в Германии, а впоследствии видного деятеля троцкистской оппозиции, застрелившегося в 1927 году) Адольфа Абрамовича Иоффе.

Бунин написал в «Окаянных днях»: «Иоффе живет в вагоне на вокзале. Он здесь в качестве государственного ревизора. Многим одесским удивлен, возмущен, „Одесса переусердствовала“, – пожимает плечами, разводит руками, кое-что „смягчает“»¹¹⁹.

Нужно отметить, что самочинными реквизициями, и не только движимого имущества, анархисты, подобные Фельдману и Улановскому, активно стали заниматься еще до «Дня мирного восстания». Вера Муромцева-Бунина 11 (24 апреля) записала в своем дневнике: «На Маразлиевской улице анархисты реквизируют целый дом. В 24 часа жильцы должны оставить квартиры, вывоз вещей почти запрещен. Книги позволяли взять лишь детские и французские»¹²⁰.

Что же касается «буржуазной» комиссии по обложению, то она еще довольно долго оставалась под арестом, и лишь после внесения немалой «контрибуции» большинство ее членов было освобождено.

¹¹⁶ Там же. С. 156.

¹¹⁷ Там же. С. 150.

¹¹⁸ Там же. С. 173.

¹¹⁹ Бунин. И. А. Указ. соч. С. 105.

¹²⁰ Устами Буниных. Т. 1. С. 199.

«...опять комиссар и толпа товарищей и красноармейцев»

Однако хозяйственный беспредел, творящийся в Одессе, был связан не только с «Днем мирного восстания».

Любопытный документ о произволе в организации военного и гражданского управления Одессы обнаружил в РГАСПИ историк Сергей Войтиков. В мае 1919 года находящийся в городе зампред ВСНХ Георгий Оппоков-Ломов направил в Москву своему непосредственному начальнику Алексею Рыкову письмо о творящихся в Одессе безобразиях в хозяйственной сфере.

«...В Одессе, – писал Оппоков-Ломов, – безумие и ужас. Шли сюда немедленно иногородний отдел [ВЧК]. Сообщу тебе для характеристики „события дня“ за 6 апреля:

1. По приказу командующего 3-й армией тов. Худякова комендантом опечатаны все склады Центросоюза за то, что они вывезли в Россию 10 тысяч пар ботинок, по преимуществу дамских... Подвойский (в то время наркомвоен Украины. – **О. К.**) отдал приказ, по смыслу которого т. Худяков обязан разрешать и запрещать вывоз всех товаров с таможни и из Одессы. Он, боясь ответственности, *все запрещает*... Сегодня приказом коменданта арестован (это факт) Лебедев (зав. Центросоюзом)... Наш поезд с маслами (машинное и солёнка) задержан Реввоенсоветом (3-й Украинской армии. – **О. К.**). Что-то кошмарное! Богатейшую таможню на $\frac{2}{3}$ расхитили из-за военных властей и глупейших и возмутительных приказов Подвойского...»¹²¹.

3-я Украинская армия (ее не следует путать с 3-й Революционной армией, оборонявшей в 1918 году Одессу от наступающих немецких и австро-венгерских войск) была создана приказом по войскам Украинского фронта 15 апреля 1919 года из частей войск одесского направления. Командовал армией Николай Акимович Худяков¹²² – бывший штабс-капитан царской армии, до перевода на Украину – начальник штаба Царицынского фронта. Начальником штаба же 3-й Украинской армии был царский офицер Пионтковский, а членами Реввоенсовета – Николай Васильевич Голубенко и Давид Петрович Датько-Фельдман¹²³. Некоторое

¹²¹ Войтиков С. С. Высшие кадры Красной армии. 1917–1921 гг. М., 2010. С. 441–442.

¹²² Худяков Николай Акимович (1890–1938). В 1916–18 гг. – эсер-максималист, с 1918 г. – большевик. Родился в Рыльске. В 1915 г. окончил военное училище. Штабс-капитан. Осенью 1917 г. за большевистскую агитацию среди солдат был разжалован и приговорен к расстрелу, но помилован и освобожден. В октябре 1917-го избран командиром 4-го Заамурского пограничного полка. С начала 1918 г. – начштаба и командир отрядов Донецкой Красной гвардии. Весной 1918 г. командовал Бахмутским боевым участком. С мая 1918 г. – начальник штаба Царицынского фронта и одновременно с июля начальник 1-й Коммунистической стрелковой дивизии. В августе-октябре 1918 г. – командующий центральным участком Царицынского фронта. С декабря 1918 по февраль 1919 г. – помощник командующего 10-й армией. В марте 1919 г. – член РВС группы войск харьковского направления. В марте-апреле 1919 г. – командующий группой войск одесского направления. С апреля по июнь 1919 г. – командующий 3-й Украинской армией. В августе-октябре 1919 г. – начальник 57-й стрелковой дивизии. С января по август 1920 г. – губвоенком Херсона. С августа по декабрь 1920 г. – начальник войск тыла Киевской губернии. С декабря 1920 по август 1921 г. – начальник гарнизона Екатеринослава. С августа 1921 по 1922 г. – помвоенкома Донской области, был демобилизован. В 1922–1925 гг. – член правления Северной железной дороги, зампред правления АО «Анто». В 1925–1931 гг. – начальник правительственной горно-геологической экспедиции. Затем директор Центрального геолого-разведочного института, начальник Главнигелялова Наркомтяжпрома СССР. В январе 1938 г. арестован и спустя 3 месяца по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.

¹²³ Датько (Фельдман) Давид Петрович (1893–1943). Большевик с марта 1917 г. (состоял в РСДРП в 1906–1908 гг.). Родился в Балтском уезде в семье учителя еврейской начальной школы. Работал подручным у подрящика-электротехника и конторщиком на фабрике. В 1917 г. на фабрике в Одессе – председатель фабзавкома. Член Одесского СРД в 1917–1918 гг. В начале 1918 г. – член Александровского райкома партии и Общегородского комитета партии, служил в Красной гвардии.

время членами Реввоенсовета состояли Ефим Афанасьевич Щаденко¹²⁴ и Иосиф Ефимович Ефимов (Гольфенбейн).

Если сведения о Щаденко можно найти в любом издании Большой советской энциклопедии, то о Ефимове в опубликованных источниках информации мало, но зато ее удалось обнаружить в архивных документах действовавшей во второй половине 1930-х годов партийной комиссии по проверке членов партии, вернувшихся с заграничной работы¹²⁵. Родился он в местечке на Одесчине в еврейской семье – отец Иосиф Гольфенбейн был маклером, а затем содержал постоялый двор. До революции Ефим получил только начальное образование. В 1911 году он получил 6 месяцев за то, что от имени отца взял в долг у помещика 300 рублей и не вернул. После революции он эту судимость, естественно, выдал за «революционную», за что в 1938 году получил строгий выговор¹²⁶. На самом деле ни в каком революционном движении Гольфенбейн не участвовал, а в большевистскую партию вступил во время октябрьских событий 1917 года. С лета 1918 года он, теперь уже Ефимов, служил в Казани комиссаром ЧК на Чехословацком фронте, в Арзамасе – начальником участка штаба обороны железной дороги, а затем в Москве – начальником штаба всех железнодорожных войск. Интересно, что адъютантом у него в это время был привезенный из Арзамаса 14-летний Аркадий Петрович Голиков – в будущем Аркадий Гайдар¹²⁷. В конце марта 1919 года и Ефимов, и Голиков были отправлены на Украину, но уже в разные места: первый – в Одессу, комиссаром в 3-ю Украинскую армию, второй – в Киев, на курсы подготовки комсостава¹²⁸.

Затем с Красной армией эвакуировался из Одессы. В декабре 1918 г. окончил 1-е Московские краткосрочные пехотные курсы, был помощником начальника разведотдела Наркомвоен Украины. С 20 марта по 10 апреля 1919 г. – член РВС войск Одесского направления. С 22 апреля по 9 июня 1919 г. – член РВС 3-й Украинской армии. Затем начальник отделения политотдела 12-й армии, особоуполномоченный РВС 12-й армии на боевом участке Киев-Бобринская, начальник закардонного отделения разведотдела штаба Харьковского военного округа, военный инспектор на Украине. С августа 1920 по 1924 г. учился в Академии Генштаба, во время которой командировывался в чекистские особые отделы Северного Кавказа и Кубани для разработки секретных материалов по оставшейся денкинской агентуре и специальной работы по раскрытию врангелевской организации. С 1924 по 1928 г. работал в системе одесской рабочей кооперации, где руководил организационным и торговым отделами. Затем учился в Москве в институте потребкооперации, управлял Московской конторой Церабсекции, а в 1931–1933 гг. – на плановом отделении Экономического института Красной профессуры. С 1933 г. – директор совхоза. С 1935 г. – директор Саратовского свиноводства. Арестован в августе 1938-го. Осужден. Умер 4 июля 1943 г. в Магаданском лагере. Реабилитирован.

¹²⁴ Щаденко Ефим Афанасьевич (1885–1951). Большевик с 1904 г. Родился в станице Каменской. До революции был рабочим в Луганске. В 1917 г. – пред. Каменского комитета РСДРП(б) (Донецкая область). С ноября 1917 г. – командир красногвардейского отряда на Дону. В январе-феврале 1918 г. – член Донского военно-революционного комитета. В августе-ноябре 1918 г. – военком штаба Северо-Кавказского военного округа. В ноябре 1918 – январе 1919 г. – особоуполномоченный РВС 10-й армии (во время обороны Царицына). В январе – апреле 1919 г. – член РВС Украинского фронта. В апреле-мае 1919 г. – член РВС 3-й Украинской армии. Затем замнарком по военным делам УССР. В ноябре 1919 – июле 1920 г. – член РВС 1-й Конной армии, в июне-октябре 1920 г. – 2-й Конной армии. В 1921–1923 гг. учился в Академии Генштаба (окончил 2 курса). В 1923–1927 гг. командовал кавалерийской дивизией, был военкомом кавалерии и поминспектора кавалерии по политчасти. Затем находился в распоряжении Главного управления РККА. В 1930-е гг. был помполитом Военной академии им. Фрунзе. Корпусной комиссар (1935). Последнее воинское звание – генерал-полковник (1942). В 1936–1937 гг. – замкомандующего по политчасти и начполитуправления Харьковского военного округа, член Военного совета Киевского военного округа. В 1937–1943 гг. – замнарком обороны СССР. Одновременно в 1937–1940 гг. – начальник Управления по командному составу РККА, а с 1941 г. – Главного управления формирования и комплектования войск. В 1943 г. – член Военного совета Южного, затем 4-го Украинского фронтов. Затем по болезни находился на пенсии. В 1939–1941 гг. – член ЦК, с 1941 г. – кандидат в члены ЦК ВКП(б). Умер в Москве.

¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 97. Д. 510.

¹²⁶ Там же. Л. 9.

¹²⁷ Гольдин А. М. Невыдуманная жизнь. М., 1984. С. 86–90.

¹²⁸ По какой-то исторической иронии помимо Гайдара Ефимов по службе пересекался еще с двумя делами членов будущего постсоветского российского правительства. Следователем ЧК Чехословацкого фронта, где он был комиссаром, был привезенный Лацисом с оперативной должности из центрального аппарата ВЧК Ян Яковлевич Авен, бывший латышский стрелок и латвийский социал-демократ с 1913 г., впоследствии участник троцкистской оппозиции, арестованный в 1935 г. и спустя 3 года расстрелянный; его внук Петр Авен в начале 1990-х гг. – министр экономики, а ныне директор Альфа-банка. Руководивший проверкой Ефимова в 1937 году по возвращении из-за границы заместитель начальника отдела руководящих партийных кадров Михаил Шамберг был не только зятем старейшего члена партии, руководителя Совинформбюро

После 3-й Украинской армии Ефимов был комиссаром военно-хозяйственного снабжения Особой группы Южфронта. В 1920 году он вновь возвращается на железнодорожный транспорт и 7 лет служил на различных политических и руководящих должностях. С начала 1930-х годов Ефимов находился на заграничной работе в Англии, Италии, Германии, где заведовал фрахтовой конторой, а в 1935–1937 годах был в Милане заместителем торгпреда. По возвращении в Москву он занимался организационной работой в Союзпродмаге, получив понижение в связи с непредоставлением правильных биографических данных, хотя, судя по всему, репрессий избежал.

Вернемся к 3-й Украинской армии. 19 апреля ее командование сделало серьезную попытку упорядочить военную власть в городе: «...из приказов т. т. Анулова и Чикваная усматриваю, что один величает себя военным комиссаром города Одессы и уезда, а другой – военным комиссаром города Одессы и области. Принимая во внимание, что в городе имеется еще один комендант города (т. Домбровский), приказываю названным лицам немедленно разграничить сферу своего влияния согласно соответствующим положениям о военных комиссариатах и гарнизонного устава.

Коменданту города немедленно войти в подчинение начальника гарнизона. Особый отдел при коменданте в 3-дневный срок ликвидировать, передав дела о военнотружениках в военно-юридический отдел при губвоенкомате или в армейский трибунал, а дела о прочих лицах – в отдел юстиции местного губисполкома». За комендатурой было оставлено только следственное отделение. Три дня спустя Худяков принял на себя обязанности начальника гарнизона города Одессы, порта и окрестностей. Ему же был подчинен и одесский окрвоенком¹²⁹. 23 апреля приказом, подписанным Худяковым, членом РВС Голубенко и начштаба Пионтковским, состоялось большое назначение армейского комсостава и ответственных работников Реввоенсовета. В числе последних был Федор Тимофеевич Фомин¹³⁰, став-

Соломона Лозовского, впоследствии расстрелянного по делу Еврейского антифашистского комитета (сам он был спасен от ареста своим начальником Георгием Маленковым, находившимся с ним к тому же в свойстве), но и дедом зампреда Госкомимущества середины 1990-х гг. Максима Бойко.

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 697. Л. 3, 7, 23, 85.

¹³⁰ Фомин Федор Тимофеевич (1894–1971). Большевик с августа 1917 г. Родился в селе Фролово Рязанской губернии в семье рабочего. Окончил церковно-приходскую школу, вечернюю фабричную школу и бухгалтерские курсы. Работал на фабрике Цинделя в Москве. В 1915–1917 гг. – рядовой царской армии: полковой разведчик. В 1917 г. – председатель полкового комитета, инструктор по выборам в Мосгубдуму. В январе 1918 – феврале 1919 г. – комиссар для особых поручений, начальник разведки штаба наркома по борьбе с контрреволюцией и Наркомвоен Украины, находился на нелегальной работе. С февраля 1919 г. – начальник Особого отдела 1-й Украинской армии. С апреля 1919 г. – начальник Особого отдела 3-й Украинской армии. С июня 1919 г. – начальник Особого отдела 14-й армии. С августа по сентябрь 1919 г. – замначальника Особого отдела 12-й армии. С сентября по ноябрь 1919 г. – инструктор-организатор, а с ноября по декабрь – помощник начальника оргинструкторского отдела Управления Особого отдела ВЧК. В декабре 1919 – июне 1920 г. – замначальника Особого отдела 10-й армии. В июне 1920 – апреле 1921 г. – замначальника, затем начальник Особого отдела побережья Черного и Азовского морей, начальник Особого отдела КрымЧК. В мае 1921 г. – заместитель председателя Крымчека, а с июня по ноябрь – председатель Крымчека, затем начальник ее Особого отдела. В октябре 1921–1924 гг. – член коллегии Подольской губЧК и начальник Особого отдела полпреда ГПУ УССР по Правобережной Украине. В 1924–1927 гг. – начальник Терского окротдела ГПУ В 1927–1930 гг. – начальник Особого отдела полпреда ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. В 1930–1934 гг. – начальник Управления пограничной и внутренней охраны полпреда ОГПУ по Ленинградскому военному округу – УНКВД Ленинградской области. За халатность, связанную с убийством С. М. Кирова, Военной коллегией Верховного суда в январе 1935 г. осужден на 2 года. С апреля 1935 по май 1939 г. работал в Дальстрое начальником и замначальника дорожного строительства (до мая 1938 г.), затем – одного из дорожных районов. В мае 1939 г. арестован и осужден на 8 лет лишения свободы. Освобожден в 1947 г. Реабилитирован в 1954 г. и вышел на пенсию. Умер в Москве. Некоторые авторы ошибочно называют его членом коллегий ВЧК и ВУЧК. На самом деле эти должности занимали его однофамильцы. Членом коллегии ВЧК был Василий Васильевич Фомин (1884–1938), большевик с 1910 г., работавший в комиссии с 3-го дня основания, где до 1919 г. возглавлял отделы по борьбе со спекуляцией, Иногородний и Транспортный, затем находившийся на руководящей работе в системе НКПС, а в 1930-е гг. занимавший пост замнаркома водного транспорта, арестованный и расстрелянный в 1938 г. В коллегию Всеукраинской ЧК в 1921–1922 гг. входил по должности Николай Иванович Фомин (1894–1959), командовавший чекистскими войсками Украины и Крыма. Большевик с 1918 г., Фомин в годы Гражданской войны командовал красноармейским экспедиционным отрядом и был начальником дивизии войск внутренней службы; в 1923 г. он перешел на хозяйственную работу, но впоследствии фактически повторил свой военный и чекистский путь, в годы Великой Отечественной войны являясь командиром полка и замкомандира дивизии, а

ший начальником Особого отдела, к исполнению обязанностей которого он приступил с 21 апреля¹³¹. Другая армейская спецслужба – разведка – была создана почти на месяц позже контрразведки. Штаты Военно-агентурной разведки при штабе 3-й армии в составе начальника, его помощника, переводчика из разведки фронта и письмоводителя были объявлены приказом за подписью Худякова, Датько и штабиста Корженевского 18 мая. Руководитель ее, некий Бернардо, должен был подчиняться начопероду штаба армии, но при получении заданий непосредственно от армейского РВС, ему и должен был докладывать¹³².

14 мая в связи с григорьевским восстанием в Одессе и всей Херсонской губернии приказом за подписью командующего 3-й Украинской армией Худякова, членов РВС Щаденко и Датько и начштаба Пионтковского было введено осадное положение, а сам Худяков стал одновременно еще и командующим всеми вооруженными силами Херсонщины и Бессарабии¹³³. С развернутым обращением по поводу григорьевского мятежа выступил на первой странице в одесских «Известиях» уже знакомый нам начальник политотдела 3-й Украинской армии Ефим Ефимов. В частности, он отметил, что предатели и дезертиры, идущие с Григорьевым, «выпускают из тюрем всякое жулье и золотопогонную сволочь, бывших царских офицеров и жандармов, дабы одурачить крестьян, хватаются за старое средство царей и помещиков, устраивая еврейские погромы, зная, что там, где начинаются погромы, кончается революция». Заканчивалось выступление Ефимова довольно пафосно, но одновременно язвительно: «Бросьте же вы пьяницу, грабителя и погромщика, бывшего акцизного чиновника и офицера Петлюры – атамана Григорьева – и переходите на нашу сторону. Смерть бандитам, погромщикам и авантюристам»¹³⁴. На слова Ефимова о бывшем акцизном чиновнике и пьянице Григорьеве 2 (по новому стилю 14-го) мая было обращено внимание Иваном Буниным в «Окаянных днях»¹³⁵. По поводу другого антигригорьевского воззвания, подписанного армейским РВС, писатель 28 апреля (10 мая) не без ехидства заметил: «Подписано так: „Товарищи Дятко (имеется в виду Датько. – **О. К.**), Голубенко, Щаденко“. Это вроде того, как если бы я подписался: господин Бунин»¹³⁶.

Впрочем, тремя днями ранее Бунин увидел военнотружущих 3-й Украинской армии отнюдь не на страницах газет. «Когда дописывал предыдущие слова, – поведал он, – стук в парадную дверь, через секунду превратившийся в бешеный. Отворил – опять комиссар (речь идет о комиссаре дома, где жили Бунины. – **О. К.**) и толпа товарищей и красноармейцев. С поспешной грубостью требуют выдать лишние матрацы. Сказал, что лишних нет, – вошли, посмотрели и ушли. И опять омертвление головы, опять сердцебиение, дрожь в отвалившихся от бешенства, от обиды руках и ногах»¹³⁷.

Несколько иначе сообщил об этом визите явившийся невольным свидетелем произошедшего Валентин Катаев в написанной в середине 1960-х годов повести «Трава забвения» (о том, что речь идет об одном и том же случае, свидетельствует, в частности, то, что, согласно «Окаянным дням», в гостях у Буниных в этот день был Катаев). Вот что он поведал читателю:

«К этому времени Бунин был уже настолько скомпрометирован своими контрреволюционными взглядами, которых, кстати, не скрывал, что его

в послевоенное время работая в органах военного снабжения МВД.

¹³¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 697. Л. 9.

¹³² Там же. Л. 67.

¹³³ Маргулис В. Указ. соч. С. 147, 150.

¹³⁴ Там же. С. 161–162.

¹³⁵ Бунин И. А. Указ. соч. С. 85.

¹³⁶ Там же. С. 82.

¹³⁷ Там же. С. 76.

могли без всяких разговоров расстрелять и, наверное, бы расстреляли, если бы не его старинный друг одесский художник Нилус, живший в том же доме, где жили и Бунины...

Так вот, если бы этот самый Нилус не проявил бешеной энергии – телеграфировал в Москву Луначарскому, чуть ли не на коленях умолял председателя Одесского ревкома, – то еще неизвестно, чем бы кончилось дело.

Так или иначе, Нилус получил специальную, так называемую охранную грамоту на жизнь, имущество и личную неприкосновенность академика Бунина, которую и приколоты кнопками к лаковой, богатой двери особняка (имеется в виду дом художника Евгения Буковецкого, где жили Бунины. – *О. К.*) на Княжеской улице.

К особняку подошел отряд вооруженных матросов и солдат Особого отдела. Увидев в окно синие воротники и оранжевые распахнутые полушубки, Вера Николаевна бесшумно сползла вдоль стены вниз и потеряла сознание, а Бунин, резко стуча каблуками по натертому паркету, подошел к дверям, остановился на пороге как вкопанный, странно откинув назад вытянутые руки со сжатыми изо всех сил кулаками, и судороги пробежали по его побелевшему лицу с трясущейся бородкой и страшными глазами...

Но все обошлось благополучно: особисты прочитали охранную грамоту с советской печатью и подписью, очень удивились, даже кто-то негромко матюкнулся по адресу ревкома, однако не захотели идти против решения священной для них советской власти и молча удалились...»¹³⁸.

Однако, как нам кажется, Катаев преувеличивает насчет попытки ареста, поскольку в дневниковых записях Бунина или его жены это наверняка бы нашло отражение, тогда как в «Окаянных днях» речь шла лишь о попытке реквизировать матрацы. Кроме того, неизвестно, обращался ли одесский художник Петр Александрович Нилус к Анатолию Луначарскому и к предгубисполкома (Филиппу Болкуну или его преемнику Ивану Клименко). Соответственно, вызывает серьезное сомнение и вообще существование охранной грамоты, тем более что впоследствии, в середине июля, власти произвели обыск в особняке Буковецкого, в том числе и в квартире писателя. Вера Николаевна записала, что Ян, как она называла мужа, заявил красноармейцам, что обыска они у него не имеют права делать, и при этом показал свой паспорт, свидетельствующий о его выходе из призывного возраста¹³⁹, – как мы видим, ни о какой охранной грамоте речь не шла. Впрочем, обыск проводился с целью поиска не уклоняющихся от военной мобилизации, а оружия, излишков одежды и продовольствия, и, ничего не найдя, представители власти (интересно, какого именно учреждения?) и красноармейцы покинули дом.

Примерно в те же апрельские дни особисты участвовали в поисках для своей 3-й армии не только матрацев, но и велосипедов, в результате чего были проведены уже настоящие аресты владельцев соответствующих мастерских. Среди арестованных по этому делу оказался и прадед автора настоящей книги Михаил Яковлевич Капчинский¹⁴⁰.

¹³⁸ Катаев В. Святой колодец. Трава забвенья. Алмазный мой венец. Повести. М. 1981. С. 403–404.

¹³⁹ Устами Буниных. Т. 1. С. 229.

¹⁴⁰ Капчинский Михаил Яковлевич (1889–1981). Большевик с 1918 г. Родился в Белой Церкви в семье рабочего, в Первую мировую войну переехавшего в Одессу и там ставшего хозяином веломастерской. До 1914 г. слесарь в белоцерковских и киевских мастерских. В 1904 г. арестовывался полицией за участие в маевке. С 1914 по 1917 г. – рядовой царской армии (артиллерист-наводчик). В 1915 г. арестовывался властями за попытку дезертирства (после излечения ранения не вернулся к месту службы), затем вновь отправлен на фронт. В 1917–1918 гг. – старший фейерверкер, председатель сол-

В 1918 году, демобилизовавшись из артиллерийской части, расквартированной в Брянске, Михаил Капчинский приехал в Одессу, куда в годы Первой мировой войны из Белой Церкви перебрались его родители, и начал работать в хозяйстве отца – хозяина велосипедной прокатной мастерской, став ее совладельцем. С приходом советской власти была объявлена реквизиция велосипедов для нужд армии, и в целях защиты своего имущества был организован коллектив хозяев велосипедных мастерских, секретарем которого и стал прадед. Коллектив заказал себе печать и удостоверения для членов. Однажды при выполнении государственного заказа по ремонту велосипедов коллективом были допущены злоупотребления, за что весь коллектив был арестован, в том числе и Капчинский, но благодаря его брату, служившему в ЧК, все они были освобождены. Об этом недоброжелатель Капчинского, коллега по Рабису, занимавший в городе ряд должностей, в том числе члена еврейской секции, Владимир Палатник, узнал от велосипедного мастера Б. Зальцмана.

Однако Капчинский показал губернской контрольной парткомиссии следующее:

«В мае 1919 года я тов. Мережиным, зав. Отделом управления губревкома (на самом деле заместителем заведующего. – **О. К.**), был послан на работу в образовавшееся общество мелких ремесленников в Одессе, правление которого помещалось: Базарная, угол Ришельевской, со специальным заданием. Я легально вошел как представитель одной мастерской в число делегатов, а на делегатском собрании прошел зампредом правления. Задача передо мной была поставлена следующая: надо было выяснить дела и направление этого общества, кроме того, были сведения, что члены этого общества скрывают от учета много товаров. В результате работы в течение 5–6 недель были произведены аресты особым отделом Третьей Украинской армии; и после обысков забрали у гр. Зальцмана большое количество автомобильных и мотоциклетных покрышек и у другого гражданина, фамилию которого теперь не помню, скрытые в сарае на Водопроводной улице несколько новых экипажей. После этого специальным постановлением отдела управления ревкома это общество было закрыто и опечатано»¹⁴¹.

Брат Капчинского Лев Яковлевич, работавший в одесской ЧК под именем Капчинского Георгия Викторовича, допрошен быть не мог, поскольку в апреле 1922 года во время инспекционной поездки по воинским частям он заразился сыпным тифом, и 18 апреля в одесских

датского комитета артдивизиона в Брянске, после его расформирования – помощник начальника дальномерной команды, с лета 1918 по лето 1919 г. совместно с отцом владел веломастерской в Одессе. В конце мая – июле 1919 г. – командир батареи полка Одесской ЧК, затем политработник (работал по печати) в сводной бригаде Особого корпуса по борьбе с бандитизмом на Украине, охранявший большевистское Бессарабское правительство. С 1920 г. – редактор газеты «Известия» в г. Первомайске. С 1921 по 1922 г. – замначальника одесского Югроста, заведующий Одесским губполитпросветом. В 1922–1925 гг. – начальник Одесского фотокиноуправления, директор Одесской кинофабрики. В 1925–1926 гг. – директор 1-й Московской госкинофабрики. В апреле 1926 г. по обвинению в бесхозяйственности и должностных злоупотреблениях вместе с группой ответственных киноработников был арестован ОГПУ, освобожден через 3 месяца. В апреле 1927 г. по данному делу Мосгубсудом осужден на 8 месяцев, но от наказания освобожден. В 1927–1928 гг. – заведующий Центральной производственной лабораторией Всеукраинского фотокиноуправления в Киеве. С 1928 г. – режиссер Киевской кинофабрики. В начале 1935 г. арестовывался НКВД по обвинению в антисоветской пропаганде и агитации, дело было прекращено через два месяца. В 1936–1937 гг. на Киевской киностудии возглавлял мультстудию. В 1937 г. исключен из партии и уволен с киностудии, в 1938 г. со строгим партвыговором восстановлен, работал постановщиком научно-популярных фильмов на Одесской киностудии. С 1939 г. – режиссер «Моснаучфильма». В январе 1953 г. вместе с группой сотрудников «Моснаучфильма» арестован МГБ по обвинению в антисоветской пропаганде и агитации, в феврале 1954 г. Мосгорсудом освобожден из-под стражи, а в 1957 г. полностью реабилитирован. С 1954 г. работал режиссером в области учебного кино. С 1961 г. – персональный пенсионер республиканского, а затем союзного значения. Умер в Москве.

¹⁴¹ Приведенные сведения автором взяты из персонального дела члена КП(б)У М. Я. Капчинского, хранящегося в Государственном архиве Одесской области (ГАОО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 1669. Л. 95).

«Известиях» был помещен некролог об уходе из жизни «борца с контрреволюцией, простирающей щупальца на Красную армию».

Комиссия сочла объяснения комиссии исчерпывающими.

История с арестом Капчинского высвечивает полную несогласованность в работе органов власти в городе в тот период и служит еще одним подтверждением правоты слов Оппокова-Ломова, приводимых в начале данного очерка о произволе, творящемся в работе одесских советских учреждений.

«Работа» в Одесской чрезвычайке «налаживается»

Город жил довольно странной жизнью.

«По вечерам, – писал Бунин в „Окаянных днях“, – жутко мистически. Еще светло, а часы показывают что-то нелепое, ночное. Фонари не зажигают. Но на всяких „правительственных“ учреждениях, на чрезвычайках, на театрах и клубах „имени Троцкого“, „имени Свердлова“, „имени Ленина“ призрачно горят, как какие-то медузы, стеклянные розовые звезды. И по странно пустым, еще светлым улицам, на автомобилях, на лихачах – очень часто с разряженными девками – мчится в эти клубы и театры (глядеть на своих крепостных актеров) всякая красная аристократия: матросы с огромными браунингами на поясе, карманные воры, уголовные злодеи и какие-то бритые щеголи во френчах, в развратнейших галифе, в франтоватых сапогах непременно при шпорах, все с золотыми зубами и большими, темными, кокаиностическими глазами... Но жутко и днем. Весь огромный город не живет, сидит по домам, выходит на улицу мало. Город чувствует себя завоеванным, и завоеванным как будто каким-то особым народом, который кажется гораздо более страшным, чем, я думаю, казались нашим предкам печенеги. А завоеватель шатается, торгует с лотков, плюет семечками, „кроет матом“. По Дерибасовской или движется огромная толпа, сопровождающая для развлечения гроб какого-нибудь жулика, выдаваемого за „павшего борца“ (лежит в красном гробу, а впереди оркестры и сотни красных и черных знамен), или чернеют кучки играющих на гармониях, пляшущих и вскрикивающих:

Эй, яблочко,
Куда котишься!

Вообще, как только город становится „красным“, тотчас резко меняется толпа, наполняющая улицы...»¹⁴².

Можно по-разному относиться к бунинскому описанию города после прихода большевиков, можно не принимать преувеличенно резких оценок новой власти писателем, не соглашаться с его едким, саркастическим тоном, но нельзя не признать, что общая атмосфера страха, неустроенности, неопределенности в разгар Гражданской войны подмечена писателем очень точно.

В такой атмосфере и начала действовать в апреле 1919 года Одесская ЧК, которую вскользь мы уже упомянули в предыдущем очерке.

Бунин 21 апреля по старому стилю (4 мая по новому) записал:

«В „Известиях“... напечатан поименный список этих двадцати шести, расстрелянных вчера, затем статья о том, что „работа“ в одесской чрезвычайке „налаживается“...»¹⁴³.

Еще в конце марта, когда интервенты еще только готовились к эвакуации и по Дерибасовской еще разгуливали французские матросы, греческие солдаты и румынские волонтеры, большевики уже задумывались о создании чрезвычайных органов. По воспоминаниям Елены Соколовской, на заседании подпольного межпартийного Совета под председательством Николая Ласточкина большевики спорили с левыми эсерами и анархистами о создании ЧК. Последние говорили, что для Центральной России, где советская власть делала первые шаги, это, наверное, было необходимо, чтобы пресечь контрреволюцию, но здесь, где

¹⁴² Бунин И. А. Указ. соч. С. 62–63.

¹⁴³ Там же. С. 59.

«за спиной» Советская Россия, это не нужно, и, кроме того, говорили о «том терроре, который они отвергают» и что подобные методы себя изжили¹⁴⁴. Впрочем, и некоторые присутствующие коммунисты были по этому вопросу скорее на стороне анархистов и эсеров. Но в результате Совет большевистским большинством высказался за чрезвычайку.

6 апреля при исполкоме была сформирована Чрезвычайная следственная комиссия в составе двух большевиков – Якова Карпа и Фарбера – и одного левого эсера – бывшего пекаря Михаила Матьяша. Последний был назначен, по словам Соколовской, поскольку ранее он был из большевиков-подпольщиков самым большим противником создания чрезвычайных органов¹⁴⁵. Впрочем, вскоре они все получили другие назначения (в частности, Матьяш – в комендатуру), а ключевые посты в реорганизованной организации заняли вчерашние работники подпольной большевистской контрразведки.

Возглавил чрезвычайку Павел Онищенко. Членами коллегии стали Борис Северный и Иосиф Южный. А вскоре из Киева прибыло пополнение – Григорий Моисеевич Меламед, в прошлом инструктор центрального аппарата ВЧК, Михаил Моисеевич Вихман и Вениамин Вениаминович Сергеев (он же Бендетта-Гордон), итальянский еврей, поменявший несколько чрезвычайек в разных городах, в том числе в Царицыне, и ставший начальником агентуры, инструкторской части, а затем, как и в Царицыне, секретарем одесской ЧК. Одесской ЧК большое внимание уделяли в Москве, а также в украинской столице – не случайно в Одессу в апреле 1919 года прибыл бывший заведующий отделом должностных преступлений ВЧК Алексей Иванович Пузырев, работавший в свое время кучером в имении великого князя Владимира Александровича, а затем рабочим харьковских мастерских Северо-Донецкой железной дороги, а в июле приехал бывший личный секретарь Дзержинского Станислав Францевич Реденс¹⁴⁶, оба в начале 1919 г. успели поработать на руководящих постах и во Всеукраинской ЧК. В Одессе Пузырев возглавил Секретно-оперативный, а Реденс – юридический отделы (первый начальник юротдела – Меламед – к тому времени уже возглавлял отдел управления в губисполкоме).

Постепенно была сформирована структура Одесской ЧК в составе следующих отделов: юридический – с коллегией следователей, Секретно-оперативный – с подотделами агентурным (наблюдение и негласное расследование), инспекторским (работы по основным

¹⁴⁴ Соколовская Е. Указ. соч. С. 361.

¹⁴⁵ Там же. С. 368–369.

¹⁴⁶ Реденс Станислав Францевич (1892–1940). Большевик с 1914 г. Родился в Ломжинской губернии Польши в семье хозяина сапожной мастерской, в годовалом возрасте потерял отца, после чего с матерью переехал на Украину. После окончания начального заводского училища в 1907–1914 гг. работал намотчиком, затем электромонтером на Днепровском металлургическом заводе в Екатеринославской губернии, позднее – рабочим на ряде заводов в Екатеринославе. В 1917 г. – секретарь Союза металлистов Днепровского завода и польской группы социал-демократической партии Польши и Литвы, которой в 1918 г. с ценностями отправлен в Москву. В 1918 г. в Москве – секретарь больничной кассы завода «Проводник». В сентябре 1918 г. московской группой польских социал-демократов был командирован в ВЧК, где работал следователем отдела по борьбе с контрреволюцией. С декабря 1918 по январь 1919 г. – личный секретарь председателя ВЧК Дзержинского и некоторое время секретарь при президиуме ВЧК. С января по апрель 1919 г. – зам. заведующего иногородним отделом ВЧК. С апреля по июль 1919 г. – зам. заведующего иногородним отделом Всеукраинской ЧК. С 10 июля по 23 августа 1919 г. – заведующий юридическим отделом Одесской губчека и его следственной частью, член президиума комиссии. В октябре-декабре 1919 г. – вновь личный секретарь Дзержинского. В декабре 1919 – феврале 1920 г. – заместитель начальника юридического отдела и член коллегии Киевской губчека. С 6 марта по 13 июля 1920 г. – председатель Одесской губчека, затем откомандирован в распоряжение Центрального управления ЧК Украины. В августе-декабре 1920 г. – председатель Харьковской губчека. С января 1921 г. – полпред ВЧК по Крыму. В апреле-июне 1921 г. – член коллегии Всеукраинской ЧК. С июля 1921 г. – замначальника, а с сентября – и начальник Административно-организационного управления ВЧК-ГПУ. С сентября 1922 по июнь 1924 г. – начальник Крымского ГПУ. С 1924 г. – секретарь Дзержинского в ВСНХ, после смерти которого перешел на должность секретаря и управделами наркомата рабоче-крестьянской инспекции. С 1928 г. руководил Закавказским ГПУ, с 1931 г. – председатель ГПУ Белоруссии, с 1933 г. – Украины. С 1934 г. – начальник Управления НКВД по Московской области. С 1938 г. – нарком внутренних дел Казахстана. Комиссар госбезопасности 1-го ранга. Арестован в ноябре 1938 г., расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда в феврале 1940-го. Реабилитирован в 1961-м, но в партии в связи с участием в необоснованных репрессиях во время пребывания на двух последних должностях не восстановлен.

направлениям) и оперативной частью (аресты, обыски, реквизиции и приведение в исполнение приговоров), а также фотографией, общая канцелярия при президиуме, комендатура с тюремным подотделом и, наконец, хозотдел с финансовым, хранилищным и продовольственным подотделами¹⁴⁷.

К лету 1919 года численность Одесской ЧК составила около 400 человек вместе с канцелярским, хозяйственным и обслуживающим персоналом¹⁴⁸. Сюда, правда, не включались секретные и внештатные сотрудники, особисты воинских учреждений, а также военнослужащие полка, подчинявшегося Всеукраинской ЧК.

Из числа сотрудников около 30 были командированы из Москвы и Киева, а остальные – местными¹⁴⁹. Причем если состав командированных был полностью интернациональным: русские и евреи, поляки и латыши, то из числа одесситов около 90 процентов были евреями.

Основной костяк ответственных сотрудников ведущего отдела – Секретно-оперативного – занимали бывшие работники все той же подпольной партийной контрразведки. Помимо замначальника отдела Северного (одновременно он был зампредом всей ЧК) и руководителя агентурно-инспекторского подотдела Южного это были помощник первого по отделу Восточный, теперь носящий кличку товарищ Арнольд (впоследствии – Арнольд), брат последнего Семен Западный, занимавший пост секретаря отдела (в подпольной контрразведке он тоже секретарствовал), инспектор по внешнему наблюдению Лев Мамендос (Поляк), по внутреннему наблюдению Ефим Янишевский (Кравец)¹⁵⁰, его заместитель Александр Броневои (Факторович), заведующий фотографией Иосиф Якоби (он работал по своей профессии), начальник разведгруппы уже знакомый нам Соломон Саввин-Мамулис и некоторые другие.

Примечательно, что Одесса была в то время единственным украинским городом, где ЧК имела не батальон, а целый полк, подчинявшийся не только Губчека, но и Особому корпусу Всеукраинской ЧК, находившейся в Киеве. Согласно приказу, подписанному председателем ВУЧК М. Я. Лацисом и начальником корпуса Н. Латышевым, полк состоял из 3 батальонов – 1-й в Николаеве, и 2-й и 3-й собственно в Одессе. Командовал им Яков Рыбалов, а затем в июне его сменил Гнадберг. Командиром артиллерийской батареи полка с начала июня служил Михаил Капчинский. В его назначении определенную роль сыграла, с одной стороны, предшествующая служба ефрейтором-артиллеристом и руководство в 1917 году солдатским комитетом гаубичного дивизиона, а с другой стороны – принадлежность к большевистской партии, официальное членство в которой он оформил 1 апреля 1918 года. Могла иметь значение и возможная протекция со стороны брата, поступившего на оперативную работу в Губчека весной 1919 года.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 157. Л. 65–84.

¹⁴⁸ Там же. С. 86.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Янишевский (Кравец) Ефим Леонтьевич (Львович) (1897–1938). Большевик с декабря 1917-го. Родился в Одессе в семье грузчика. Окончил начальную еврейскую школу Хедер и 4-классное городское училище. До 1918 г. работал жестянщиком на одесском заводе. С марта 1918 г. – на подпольной работе в Одессе, с октября 1918 по апрель 1919-го возглавлял подпольную городскую партийную разведку. С апреля по август 1919 г. – инспектор (заведующий) по внутреннему наблюдению Секретно-оперативного отдела Одесской губЧК. В августе-октябре 1919 г. – сотрудник специальных поручений при штабе Южной группы войск 12-й армии. В октябре 1919 – мае 1920 г. – сотрудник для поручений Регистрационного (разведывательного) управления РККА. В марте-апреле 1920 г. – начальник агентуры Секретно-оперативного отдела Одесской губЧК. В апреле 1920 – мае 1921 г. – замначальника секретно-оперативных отделов Волынской и Екатеринославской губЧК. Затем до августа 1922 г. – зампред и начальник Секретно-оперативной части Кременчугской губЧК – губотдела ГПУ. В 1922–1925 гг. учился в Коммунистическом университете имени Свердлова, по окончании которого в 1925–1930 гг. был экономистом отдела торговой политики планового управления, начальником отдела промснабжения и замначальника сектора снабжения и сбыта ВСНХ СССР. В 1923–1925 гг. участвовал в троцкистской оппозиции. С 1930 г. – в системе НКПС: замначальника финуправления НКПС СССР, замначальника Московско-Курской железной дороги (1934–1937). В августе 1937 г. арестован. Расстрелян в феврале 1937 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда. Реабилитирован в 1956 г.

Для охраны зданий ЧК подведомственный ей полк был укреплен бойцами-интернационалистами. Исполкомовское руководство Клименко и Фельдман попросили для нее у РВС 3-й армии 50 китайцев и в придачу броневики¹⁵¹.

В газете «Известия Одесского совета рабочих депутатов» от 4 мая 1919 года можно было прочитать первый опубликованный список расстрелянных чекистами 26 лиц:

1. Баранов Тихон Демьянович, бывший политкомиссар 5-го Советского полка, – за незаконные реквизиции и вымогательство, за антисоветскую и погромную агитацию в помещении советского учреждения, за угрозу применения оружия против официальных лиц при исполнении служебных обязанностей.

2. Будивский Федор Кондратьевич – за выдачу коммунистов.

3. Будник Леонид Григорьевич – за принадлежность к Добрармии.

4. Будник Янкель Израилевич – «за принадлежность к Союзу русского народа и многолетнюю работу в нем» (! – **О. К.**).

5. Войцеховский Николай Иванович – «за принадлежность к Добровольческой армии и активную работу во многих добровольческих военных организациях в городах Киеве и Одессе под непосредственным руководством генералов Горского, Шварца, графа Келлера и бывшего херсонского губернатора Ветчинникова, за принадлежность ко многим контрреволюционным и монархическим организациям и дружбу со знаменитым черносотенным деятелем Пуришкевичем, за активное участие в добровольческой контрразведке Прилукова в Москве (следует понимать, что в столице он был агентом армейской контрразведки белых? – **О. К.**) и за активное участие там же в локкартовском заговоре (! – **О. К.**)».

6. Гончаренко – за выдачу коммунистов.

7. Гончарова Мария Порфирьевна – организатор Союза русского народа, за вооружение черносотенных погромных дружин, за хранение запасов оружия (пулеметов, винтовок и т. д.), за хранение у себя погромной литературы.

8. Гончаров Пантелей Иванович – ее муж, за то же самое.

9. Громов – за выдачу коммунистов.

10. Турин Никифор Семенович по кличке Филька – за убийство с целью ограбления семьи Дробяк.

11. Загер Андрей Яковлевич – за выдачу полякам коммунистов.

12. Зуйков Александр Васильевич, бывший офицер, – за то же, что и Гончарова.

13. Зуков Василий, руководитель «Союза Михаила Архангела», – за погромные действия.

14. Зуков Григорий Васильевич, его сын, – за то же самое.

15. Калина Павел Иванович – за выдачу и убийство коммуниста Бабенко.

16. Ковалев Антон Павлович (псевдоним Антонов), сотрудник секретно-оперативного отдела ОГЧК, – за присвоение при обыске 4 тыс. рублей.

17. Кучеров Павел, петлюровец, – за истязания красноармейцев.

18. Левицкий Митрофан Николаевич – за принадлежность к Союзу русского народа, хранение и распространение черносотенной погромной литературы, а также за работу на контрразведку Шульгина и выдачу коммунистов.

19. Малахов Илья Афанасьевич – за активную деятельность в Союзе русского народа и погромную агитацию.

20. Радченко Михаил Давыдович, пристав Одессы, – за убийства и избиения политзаключенных.

21. Родзевич Нина Пантелеймоновна, жена известного черносотенца Родзевича, – за то же, что и Гончарова.

¹⁵¹ Российский государственный военный архив Ф. 178. Оп. 1. Д. 5.

22. Садов Федор – за убийство арестованного добровольцами эсера Скибко.

23. Слипченко Александр Михайлович (бывший офицер) – за принадлежность к добровольческой контрразведке и за выдачу добровольческим военным властям 11 коммунистов, подпольно работавших в Одессе, в результате чего те властями были расстреляны (по-видимому, имелись в виду члены Иностранной коллегии, находившегося в Одессе подпольного большевистского органа, в который входили русские и зарубежные коммунисты (известная французская коммунистка Жанна Лябурб, Яков Елин, Исаак Дубинский, Мишель Штиликер, Александр Винницкий [по некоторым, неподтвержденным данным, дальний родственник Япончика] и другие).

24. Соколовский Михаил Александрович – за то же самое, что и Садов.

25. Фон дер Ховен, барон, – как бывший полицмейстер городов Одессы и Харькова.

26. Эттингер Симон Леопольдович – за выдачу австрийцам чехословацких коммунистов.

Под списком стояли следующие подписи: председателя Онищенко, членов ОГЧК Вениамина, Меламеда, Южного и, наконец, секретаря Михаила¹⁵².

Обращает на себя внимание расстрелянный за принадлежность к Союзу русского народа Будник Янкель Израилевич, что на первый взгляд кажется абсурдом. Скорее всего, Будник в дореволюционное время, имея приличное состояние, мог просто оказывать финансовую помощь черносотенцам, чтобы получить своеобразную «крышу» от погромов, как это делал и другой богатый одесский еврей, расстрелянный ЧК несколько позднее, – Хаим Меерович Гран¹⁵³.

В конце мая – первой половине июня секретарь Михаил вместе с двумя председателями ЧК поставит подпись под несколькими списками расстрелянных, опубликованными местными «Известиями». Так, в начале июня были расстреляны ярые фальшивомонетчики Токарь Абрам Борисович, Шлик Генох Хаймович, Шварц Абрам Семенович, а по политическим обвинениям – Михайлов Кузьма – за выдачу белым большевиков, которые были расстреляны, Чайка Сергей Авксентьевич – за организацию погрома в местечке Проскурове, Прасулова Прасковья Степановна – за призыв к свержению советской власти и прославление атамана Григорьева, Толстиков Степан – бывший командир гетманской варты, Гран Хаим Меерович, «как хорошо известный в Одессе черносотенец, член Союза русского народа» (то есть за предательство еврейского народа? Так следует понимать этот приговор?), Поляков Дионисий Иванович – за агитацию против советской власти и черносотенную агитацию, Ефимов Николай – «за тайную продажу самогонки, которой он спаивал народ для темных целей» (интересно, уголовных или политических?) и боец одной из частей комендатуры Хундадзе – за убийство помощника коменданта Одесской ЧК Якова Полотовского. В середине июня в «постскрипционных» списках оказались, в частности, уголовные налетчики Мутарханов Давид и Виноградов Дмитрий, Гавриил Максимович Данилевский и Матвей Афанасьевич Шелест – тоже за вооруженный налет, только с липовым мандатом от имени... Нестора Махно (стоит отметить, что его отношения с большевиками в это время охладелись, но вооруженную борьбу с ними он начнет несколько позднее), некий Павлов – «за истязания и избиения крестьян, будучи милиционером» (интересно, уже «рабоче-крестьянской» власти или еще одной из предшествующей), Модин Николай Васильевич, с 16-летнего возраста состоящий в Союзе русского народа, – «за избиения евреев», Карасав – за принадлежность к румынской разведке. Самыми интересными в этом списке были две последние фамилии: Валь Мария Готфридовна – за соучастие в грабеже, «принимая беременность, условно» и Хомчик Осип Андреевич – за то же самое и... тоже условно, принимая в виду несовершен-

¹⁵² Маргулис В. Указ. соч. С. 108–109.

¹⁵³ Там же. С. 183.

нолетие¹⁵⁴. Это уже было нечто совершенно новое в карательной политике, любопытно: а как подобный приговор предполагался к исполнению?

Последний расстрельный список, подписанный Михаилом, был опубликован 22 июня на 2 человек, казненных днем раньше: одного из руководителей Союза русского народа Осипа Андреевича Донцова, обвинявшегося «в составлении доклада на имя командующего Одесским военным округом об употреблении евреями христианской крови, изгнании сектантских и магометанских вероучений» (здесь он выступал более радикально, чем свои единомышленники, враждебно относившиеся к иудеям и католикам и более-менее терпимо – к мусульманам) и призыв к погромам, а также Ерофея Климовича Мураховского – за «руководство погромами города Кадыма, что доказано многими свидетельствами»¹⁵⁵.

Однако, прочитав вышеуказанные газетные сообщения, многие одесситы обратили внимание на одну особенность: некоторые сотрудники чрезвычайки подписали расстрельный список не своими фамилиями – настоящими или вымышленными, – а именами, в первую очередь Михаил. По городу поползли слухи, сначала смутные, неопределенные, а затем все более настойчивые: секретарь чрезвычайки Михаил – не кто иной, как сам Мишка Япончик. Слухи подогревались еще и тем, что последнее время – в апреле и мае – имя «короля Молдаванки» не фигурировало в сообщениях о налетах и других акциях одесского преступного мира.

25 мая 1919 года в газете «Известия Одесского совета рабочих депутатов» появился новый «Список расстрелянных Одесской губернской чрезвычайной комиссией», под которым опять имелась подпись секретаря ОГЧК Михаила. А спустя три дня – 28 мая – в той же газете было напечатано следующее объявление:

«От президиума Одесской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности.

Контрреволюционеры задались целью подорвать престиж исполнительного органа советской власти ОГЧК в рабочих массах и, не брезгуя никакими средствами, распространяют самые нелепые слухи об ответственных работниках ЧК.

Одной из последних сенсаций является слух о том, что секретарем Одесской чрезвычайной комиссии якобы состоит неизвестный в Одессе грабитель Мишка Японец.

Находя необходимым положить предел распространению преступных и ложных слухов, президиум Одесской чрезвычайной комиссии доводит до сведения рабочих города Одессы, что секретарь ОЧК тов. Михаил – партийный подпольный работник, назначенный Исполкомом, ничего общего с Мишкой Японцем не имеет.

Председатель ОЧК Онищенко»¹⁵⁶.

А кто же все-таки скрывался под именем Михаил, которым подписывался под расстрельными списками секретарь одесской «чрезвычайки»? В бывшем Центральном партийном архиве (ныне Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории) хранится альбом «Коммунисты – участники борьбы за установление Советской власти в Одессе», в котором указано, что ответственным секретарем Одесской ЧК в апреле – июне 1919 года был Михаил Михайлович Гринберг – член партии большевиков с 1917 года, бывший помощник начальника областной партийной разведки. В конце июня Михаила Грин-

¹⁵⁴ Там же. С. 183, 208.

¹⁵⁵ Там же. С. 209.

¹⁵⁶ Там же. С. 178.

берга сменит на посту секретаря ЧК некто Семен Величко (Оксман). Возможно, это был тот самый журналист Величко, про которого Вера Муромцева-Бунина 6/19 июля писала в дневнике, что его статьи в газете «Голос красноармейца» отличались особой свирепостью. Правда, тут же она добавляла: «Меня уверяли, что Величко – Гальберштадт, что видели статьи под этим именем, написанные его рукой» и во что просто поверить не могла¹⁵⁷. Ведь журналист Л. И. Гальберштадт в свое время был секретарем в сборнике «Северное сияние», редактором которых был Бунин. Впрочем, последний в «Окаянных днях» еще в апреле 1919 года сделал следующую запись: «Встретили Л. И. Гальберштадта (бывший сотрудник „Русских Ведомостей“, „Русской Мысли“). И этот „перекрасился“. Он, вчерашний ярый белогвардеец, плакавший (буквально) при бегстве французов, уже пристроился при газете „Голос красноармейца“»¹⁵⁸. В связи с вышеуказанным можно предположить, что чекист Величко-Оксман использовал Гальберштадта в качестве своеобразного «буржуазного спеца», писавшего для него статьи. Как бы то ни было, Величко на должности секретаря губчека пробыл еще меньше, чем «Михаил», – в середине июля 1919 года его сменил уже знакомый нам Вениамин Сергеев.

¹⁵⁷ Устами Буниных. Т. 1. С. 231.

¹⁵⁸ Бунин И. А. Указ. соч. С. 48.

«...в эсах нет никакой нужды, потому что собственности больше нет...»

А Мишка Япончик в это время находился на службе не в Одесской ЧК, а в 3-й Украинской армии, где из криминального элемента формировал полк.

Мотивы, которыми руководствовались как власти города, так и руководитель местного воровского мира, создавая эту весьма специфическую боевую единицу, впоследствии пытался объяснить уже упомянутый Ефим Щаденко в опубликованных 9 лет спустя воспоминаниях, которые, возможно, помогала ему писать жена – скульптор Мария Александровна Денисова, хорошо знакомая с Одессой еще с дореволюционных времен.

«Мишка Япончик, – говорилось в мемуарах, – ...хотя и не имел своих представителей в ревкоме, но пользовался покровительством его членов, и ему, так же как и имевшимся в ревкоме анархистам, было разрешено под „черным знаменем анархизма“ (тут написано образно – 54-й полк под командованием Винницкого шел под красным знаменем. – *О. К.*) формировать свою силу. По свидетельству членов одесского исполкома анархистов Фельдмана и Красного, в момент пребывания белых и интервентов воры и налетчики так усилились, что чуть не каждый день задавали на улицах настоящие сражения», причем не только белогвардейцам, но и французским войскам. По словам Щаденко, Япончик «понял и воспринял идею советской власти, как ее представляли себе атаманы Таврии, Херсонщины, Одесчины, и решил, что теперь в эсах нет никакой нужды, потому что собственности больше нет – бери, что хочешь и сколько хочешь. „Все – наше, общее, трофейное“»¹⁵⁹.

О Фельдмане мы уже упоминали не раз, а теперь стоит рассказать о Красном. Сведения о нем, в частности, имеются в сборнике «Памятник борцам пролетарской революции», последнее издание которого вышло в 1925 году¹⁶⁰.

Григорий Красный (настоящая фамилия – Гальберштадт) до революции был рабочим-металлистом на заводе. Состоял членом одесского исполкома всех созывов до кайзеровской оккупации. В 1917 году он, объявив себя анархистом, стал активно участвовать в политической жизни города, избрался депутатом местного совета и вошел в состав его исполкома.

В январе 1918 года Красный был членом культурно-просветительской секции Одесского совета (сам имеющий только низшее образование). По предложению ряда меньшевиков на заседании Совета рассматривался вопрос о назначении его начальником одесской Красной гвардии вместо большевика Макара Чижикова, но это назначение не состоялось¹⁶¹. Тогда с большевиками он часто расходился, например, выступил против создания военно-революционного комитета, заявив, что «созданный за спиной Совета новый комитет разрушит существующее между рабочими единение»¹⁶².

После оккупации Одессы Красный эвакуировался в Крым, оттуда на Дон, где в возглавляемом другим одесситом, а ранее жителем Грузии младшим офицером военного времени, большевиком с 1917 года Евсеем Чикваная Военно-революционным штабе руководил политотделом (там служили на руководящих должностях и другие анархисты, такие, как Анатолий Железняков и земляк Красного, участник анархического движения с 1906 года Григорий Борзенков)¹⁶³. В 1919 году, когда в Одессе вновь установилась советская власть, Красный вернулся и вновь вошел в состав исполкома, стал членом Социалистиче-

¹⁵⁹ Гражданская война 1918–1921 гг. Т. 1. М., 1928.

¹⁶⁰ Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 гг. М.-Л.: Госиздат, 1925. С. 300.

¹⁶¹ Коновалов В. Г. Красный флаг над Одессой. Одесса, 1977. С. 198.

¹⁶² Коновалов В. Г. Подвиг «Алмаза». Документальная повесть. Одесса: Маяк, 1989. С. 121.

¹⁶³ Леонтьев Я. Пасынок революции. Родина. 1997. № 1. С. 64.

ской инспекции, а позднее и продкомиссаром. Вскоре после назначения на последнюю должность, летом 1919 года, он перешел в большевистскую партию. Но это будет уже после того, как он сыграет свою роль в формировании полка Винницкого.

В начале формирования полка комиссаром был назначен уже знакомый нам Александр Фельдман, бывший секретарь одесского исполкома. Но среди политработников возникли возражения, заключающиеся в том, что он не большевик, а анархист.

Действительно, Политуправление Реввоенсовета республики, руководившее всеми комиссарами, являлось военным отделом РКП(б), и, как правило, небольшевик не мог быть комиссаром, хотя, конечно, имелись исключения и не одно, особенно на Украине. Лишиться такого опытного организатора, как Александр Фельдман, тоже не хотелось. Из такого сложного положения был найден оригинальный выход. В полк назначили одновременно двух комиссаров – большевика Зенькова и анархиста Фельдмана. Но вскоре Зеньков получил новое назначение и как-то незаметно исчез из полка. На его место никого не назначили, и анархо-коммунист Фельдман стал единоличным комиссаром при командире полка Мишке Япончике. Дела же секретаря исполкома принял другой анархист, правда бывший, а в то время уже большевик Михаил Яковлевич Ракитин (Броун).

Несмотря на назначение комиссаром сторонника учения Кропоткина, в отличие от многих махновских частей, одесскому полку вскоре было присвоено имя принципиального противника последнего... Ленина. Это может свидетельствовать о том значении, которое одесская власть придавала этому полку, состоящему, впрочем, не столько из любимых большевистским вождем обычных пролетариев, сколько из пролетариев с приставкой «люмпен». Связь Фельдмана и Япончика являлась знаковой: из всех политических течений анархисты наиболее тесно были связаны с «разбойным элементом» как до, так и после революции.

Однако назначение Фельдмана имело и другую причину. О ней рассказала спустя несколько месяцев газета «Одесские новости»:

«Насколько видной фигурой был Фельдман во время большевистского владычества в Одессе, помнят, конечно, все. Автор неудавшегося „Дня мирного восстания“, постоянно призывавший к обескровлению буржуазии и имущих классов, убежденный анархист, Фельдман пользовался наибольшей ненавистью в среде благоразумного и культурного населения. Не окажись в этот момент в Одессе Иоффе, идея Фельдмана о мирном восстании отдала бы весь город на разграбление черни и бандитов. После спора Иоффе с Фельдманом, когда первый на упрек Фельдмана в том, что „ваши взгляды пахнут меньшевизмом“ (подспудный намек и на то, что до 1917 года Адольф Иоффе был близок меньшевикам; в большевистскую же партию он был принят в августе 1917 г. вместе с Троцким, Урицким и другими социал-демократами-межрайонцами. – **О. К.**), ответил: „а ваши – бандитизмом“, Фельдман как-то сошел со сцены и его решено было отправить на фронт...»¹⁶⁴.

Примечательно, что в «Окаянных днях» Ивана Бунина неоднократно фигурирует, естественно в негативном плане, секретарь исполкома Фельдман, который ему, несомненно, представляется первым лицом в городе, и не упоминается председатель Клименко. И дело здесь не в фамилии: как известно, Бунин не был антисемитски настроен и среди его друзей было немало евреев (разумеется, из среды интеллигенции, а не революционеров). Просто Фельдман благодаря своим левачествам для великого писателя наиболее ярко символизиро-

¹⁶⁴ Одесские новости. 1919. 8/21 октября.

вал наиболее темные стороны новой власти и представлялся четким воплощением стойко непринятого им всего революционного вообще и большевистского в особенности.

Любопытную запись о Фельдмане оставил Иван Бунин в своем дневнике от 10 июня:

«Вчера было „экстренное“ – всегда „экстренное!“ – заседание исполкома. Фельдман понес обычное: „Мировая революция грядет, товарищи!“ Кто-то в ответ ему крикнул: „Довольно, надоело! Хлеба!“ „Ах, вот как! – завопил Фельдман. – Кто это крикнул?“ Крикнувший смело вскочил: „Я крикнул!“ и был тотчас же арестован. Затем Фельдман предложил „употреблять буржуев вместо лошадей, для перевозки тяжестей“. Это встретили бурными аплодисментами»¹⁶⁵. Конечно, так ли это было или здесь, как это часто бывало, писатель сгустил краски, но Фельдмана здесь он показал довольно выразительно.

Примерно в одно время с Фельдманом работу в исполкоме покинул и отправился на военную службу его друг и соратник, участвовавший в «Мирном восстании» Алеша Черный – Александр Улановский. Его жена вспоминала: «Белые наседали... Большим отрядом уходили из Одессы. Я провожала Алешу на бронепоезд. Командиром бронепоезда был Анатолий Железняков»¹⁶⁶. Однако здесь присутствует небольшое, но принципиальное расхождение с архивными данными. Согласно заполненному собственноручно личному листку по учету кадров для Профинтерна, где Улановский спустя несколько лет стал работать¹⁶⁷, на бронепоезд своего анархистского товарища и тоже бывшего матроса Железняка, прославившегося во время разгона Учредительного собрания, он ушел в мае 1919 года, когда до отступления большевиков из города было довольно далеко. Таким образом, Улановским, как и тем же Фельдманом, по всей видимости, двигало желание уйти от ответственности за ограбление населения. Бронепоезд имени Худякова в мае сражался с григорьевцами и только к началу июля в составе 14-й армии был направлен на Екатеринославщину против белогвардейцев генерала Андрея Шкуро.

Иначе, чем Фельдман и Улановский, поступил третий исполкомовец, приложивший руку к «Мирному восстанию», – большевик Павел Ульянов. На многочисленные требования руководства об уходе на фронт он ответил категорическим отказом и был отдан под трибунал по обвинению «в дезертирстве». Ему кроме этого инкриминировали серьезные служебные злоупотребления (и не только во время «Дня мирного восстания»), и в августе он был расстрелян. Не помогли Ульянову ни его прошлая принадлежность к «гегемону» – рабочему классу, ни настоящая – к компартии.

Наконец, вероятно не без участия Иоффе, 19 июня еще одного коммуниста – «героя» «Мирного восстания» Артема Кривошеева, переведенного на Киевщину, – сменил прибывший из Смоленска Борис Краевский¹⁶⁸, бывший военком Западного военного округа. Краев-

¹⁶⁵ Бунин И. А. Указ. соч. С. 112.

¹⁶⁶ Улановская Н. М., Улановская М. А. Указ. соч. С. 35.

¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 12918. Л. 1–2.

¹⁶⁸ Краевский Борис (Бер) Израилевич (1888–1938). Большевик с 1905 г. Родился в г. Шедловце Радомской губернии в семье рабочего. В детстве остался без родителей. Окончил 1 год начальной еврейской школы. Был рабочим-обувщиком в Шедловце, Варшаве и Астрахани в 1900–1909 гг. Неоднократно подвергался арестам и с 1912 по 1914 г. отбывал ссылку в Нарымском крае. Совершив побег из ссылки, с 1914 по 1917 г. проживал в Нью-Йорке, где был чернорабочим на строительстве метро и работал на обувной фабрике, был активистом профсоюза сапожников, состоял членом правления эмигрантской социал-демократической газеты «Новый мир». В апреле 1917-го вернулся в Россию. С сентября 1917 г. – на партийной, советской и военной работе в Нижегородской губернии: секретарь губкома РСДРП(б), комиссар штаба Красной гвардии, начальник военно-революционного штаба, губвоенком. С декабря 1918 до апреля 1919 г. – окрвоенком Западного военного округа (Смоленск). После болезни летом 1919 г. РВСР направлен в распоряжение Наркомвоена Украины и с 19 июня по 5 августа 1919 г. был окрвоенкомом Одессы. Одновременно с июля по август являлся председателем Совета обороны Одессы, а затем всего юга Украины. С октября 1919 по март 1920 г. руководил штабом повстанческих отрядов в тылу деникинских войск на Правобережной Украине. В апреле-августе 1920 г. – Беломорский окрвоенком. В сентябре-октябре 1920 г. – Харьковский окрвоенком. В октябре 1920 – июле 1921 г. – командующий Заволжским военным округом. Затем помощник главного начальника снабжения РККА (до августа 1922-го). В 1923–1927 гг. участвовал в троцкистской оппозиции. В 1922–1924 гг. – зампред и предправления Укрсовхозтреста в Харькове. В 1924–1925 гг. – член правления акционер-

ский, знавший еще с дореволюционных времен Льва Троцкого, довольно последовательно проводил линию последнего на искоренение партизанщины и, соответственно, был весьма далек от одесского «анархо-матросского» большевизма Кривошеева.

ного общества «Амторг» в Нью-Йорке. В 1925–1930 гг. – предправления АО «Южамторг» и уполномоченный Наркомторга в Аргентине. Одновременно в 1926–1930 гг. – торгпред в Уругвае. В 1930–1936 гг. – член правления Наркомвнешторга СССР, где до 1932 г. заведовал импортом сырья и полуфабрикатов. В 1932–1936 гг. – предправления всесоюзного объединения «Экспортлес». Затем начальник одного из строитейств Наркомлеспрома СССР. Арестован в мае 1937-го. Расстрелян в мае 1938 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Реабилитирован в 1956 г.

«Домбровский арестован, ночью разоружали его части, и была стрельба»

28 мая 1919 года Иван Бунин сделал запись, вошедшую в «Окаянные дни»: «Домбровский арестован, ночью разоружали его части, и была стрельба». На другой день писатель отметил: «Комендантом Одессы вместо арестованного Домбровского назначен студент Мизикевич»¹⁶⁹.

Как же официальные власти объяснили такие кадровые перемены в одном из важнейших органов пролетарской диктатуры? 10 июня 1919 года в одесских «Известиях» появилось следующее извещение:

«Арест б. коменданта Домбровского.

По приказу председателя Всеукраинской Чрезвычайной комиссии исполком Одесского совета рабочих депутатов постановил арестовать бывшего коменданта города и порта Домбровского.

В связи с арестом б. коменданта темными контрреволюционными элементами были пущены провокационные слухи с целью натравить одну воинскую часть на другую. Под влиянием этой провокации началась под утро перестрелка, которая моментально была прекращена.

Части б. коменданта разоружены; арестован также помощник коменданта Шульга»¹⁷⁰.

Вслед за этим публиковался приказ РВС 3-й армии за подписью Худякова и Голубенко о назначении новым комендантом Мизикевича, в подчинение которого входят все отряды Домбровского. Тут же следовал приказ нового коменданта о том, что на эту должность он назначен совместным постановлением президиума исполкома и армейского Реввоенсовета, а его старшим помощником становится Санович, также утвержденный президиумом исполкома. Приказы же их предшественников Домбровского и Шульги с этого числа объявлялись недействительными. В заключение Мизикевич призывал всех одесситов к спокойствию и предупреждал, что «всякие контрреволюционные вспышки и бандитизм будут беспощадно подавляться силой оружия»¹⁷¹.

Накануне ареста среди бойцов комендантского отряда началось брожение. Реввоенсоветом 3-й армии было решено немедленно разоружить их. Выполнение приказа было возложено на Сановича. На следующее утро к комендатуре были стянуты броневики и регулярные части. После окружения подъехавшие Мизикевич и член РВС Голубенко предложили сложить оружие. После «некоторых колебаний», по словам печати (на деле возникшей стрельбы), бойцы комендатуры начали складывать оружие¹⁷². Что из себя представляли устроители перестрелки? Политработник Одесского военного округа М. И. Кегелес вспоминал: «В связи с попыткой арестовать коменданта города Домбровского восстал отряд чеченцев, его приверженцев, не желавший признавать никого, кроме Домбровского. Коммунистам пришлось его обезоружить»¹⁷³. Трудно сказать, служили ли в отряде Домбровского в большом количестве непосредственно уроженцы Чечни, хотя представители лиц «северо-

¹⁶⁹ Бунин И. А. Указ. соч. С. 104–105.

¹⁷⁰ Маргулис В. Указ. соч. С. 188.

¹⁷¹ Там же. С. 189.

¹⁷² Знамя борьбы (Одесса). 1919. 10 июня.

¹⁷³ Кегелес М. И. Из воспоминаний рядового политработника (апрель–декабрь 1919 г.) // Летопись революции. 1927. № 2. С. 106.

кавказской» национальности наряду со многими выходцами из Закавказья – грузинами – там, скорее всего, были. Но ведь чеченцы вторыми после черкесов были символом наиболее необузданной, стихийно действующей части горцев, принимавших участие в Гражданской войне и у белых (в первую очередь остатки бывшей Дикой дивизии), и у красных, и, конечно, в националистических формированиях на Кавказе, зачастую воевавших против тех и других. Как бы то ни было, основную массу кавказцев отряда, как, впрочем, и вообще его бойцов, все же составляли грузины. Нужно отметить, что вскоре после ареста Домбровского пошли слухи о подготовке ими нового выступления, и Губчека пришлось командировать для переговоров инспектора Секретно-оперативного отдела Михаила Каменева¹⁷⁴. По-видимому, тогда же в качестве компромисса было решено «кавказцев» частично влить вместе с комендантским особым отделом в окружной особый отдел, а частично передать в распоряжение губернской милиции.

Рассмотрим теперь обстоятельства, приведшие к аресту коменданта города и порта.

Будучи назначенным на должность на второй день после установления в Одессе большевистского режима, бывший начальник охраны штаба Южфронта и комендант Екатеринослава Виталий Маркович Домбровский сразу включился в выполнение специфических задач новой власти. Так, 7 апреля 1919 года президиум исполкома в лице председателя Филиппа Болкуна и секретаря Александра Фельдмана постановил наложить на одесскую буржуазию контрибуцию в размере пятисот миллионов рублей, которая должна была быть внесена не позднее 12 часов дня 12 апреля, причем к 12 часам 10 апреля должно было быть внесено 300 миллионов. Взыскание контрибуции было поручено коменданту Одессы Домбровскому. Сколько было внесено из этого «первоначального взноса» неизвестно, но по окончании указанного срока по распоряжению Домбровского начала действовать уже на постоянной основе комиссия по обложению имущих классов, о которой мы уже упоминали¹⁷⁵.

Как-то разнеслась весть, что в магазине на Дерибасовской, угол Преображенской, налетчики «отобрали» шелк на сумму около 2 миллионов рублей. Нашлись очевидцы того, что налетчиками были красноармейцы, занимавшие соседнюю гостиницу «Франция». Когда комитет торговых служащих вместе с работниками угрозыска обратились к коменданту Домбровскому с просьбой дать конвой для производства обыска в гостинице, он отказал. Прошло немного времени, и чины комендатуры одаривали своих близких шелковым материалом и распродавали его на нелегальном торгу¹⁷⁶.

Таким образом, не забывал Домбровский на посту и о своих личных интересах. В. Маргулиес писал о нраве руководства комендатуры следующее: «Реквизируется ряд больших домов. К управляющему домом или к комиссару дома является с ордером уполномоченное лицо и заявляет, что в течение 24 часов дом должен быть освобожден от всех жильцов... У ворот дома ставятся часовые, обыкновенно китайцы, которым надлежит следить за тем, чтобы ничто не выносилось... Достоверно и доподлинно известно, что ни один рабочий до сих пор ни в одной буржуазной квартире не поселился... Рабочие на предложение переселиться в реквизированный дом отвечают: „Что же мы будем переселяться – скоро придет новая власть, из дома нас выкинет, да еще и арестует“. Большевики этим нисколько не смущаются и находят для реквизированных домов другое применение. В... особняке на улице Гоголя... комендант города Домбровский „поселил двух своих приятельниц“ – известную опереточную артистку и ее подругу, не менее известную исполнительницу русских народных песен (в первом случае речь шла, возможно, об Изе Кремер, а во втором – несомненно, о Надежде Плевицкой. – **О. К.**). В особняке бывает очень весело... льется шампанское, гремит

¹⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 178. Л. 110.

¹⁷⁵ Маргулиес В. Указ. соч. С. 50–51, 58.

¹⁷⁶ ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 160. Л. 208.

музыка. В реквизированном доме... на Преображенской ул. роскошную квартиру у хозяина дома занял очень юркий молодой человек, сотрудник Домбровского – тов. Фраткин (правильнее Фрадкин. – **О. К.**)...»¹⁷⁷.

Артист Игорь Владимирович Нежный, член труппы Городского театра, впоследствии вспоминал:

«В конце апреля 1919 года после очередного концерта в Городском театре к нам на сцену поднялись окружной военный комиссар Домбровский (на самом деле комендант. – **О. К.**), его заместитель Фрадкин (привезенный Домбровским из Екатеринослава, он был начальником следственной части, а ранее – особого отдела комендатуры. – **О. К.**), начальник политуправления (военного округа. – **О. К.**) Разумов и заведующий театрально-музыкальной секцией политуправления Викторов. Военные товарищи познакомились с нами, поблагодарили за работу, поинтересовались, как мы живем, в чем нуждаемся...»¹⁷⁸.

Немало страниц посвятил Домбровскому в своих мемуарах, озаглавленных «Записки старого чекиста», и бывший начальник Особого отдела 3-й Украинской армии Федор Фомин. Глава о нем под названием «Разоблаченный враг» появилась во втором издании его воспоминаний, вышедшем в 1964 году (первое вышло двумя годами раньше), а затем, в 1987 году, через 16 лет после смерти, была почти в неизменном виде перепечатана в одесском сборнике «А главное – верность», посвященном местным чекистам. Нужно отметить, что все изложенное Фоминым в мемуарах, во всяком случае касающееся событий Гражданской войны на Украине, условно можно разделить на две части: весьма сомнительное – к чему Фомин имел лишь весьма опосредованное отношение (например, неоднократно и поныне для некоторых авторов служащий достоверным источником рассказ о Япончике), и то, к чему непосредственно был причастен, как в случае с делом Домбровского. Однако и применительно ко второй части нельзя скидывать со счетов давность событий, а главное, работу литзаписчиков, отнюдь не всегда ставивших во главу угла максимальную историческую достоверность.

Интересно, что командарм Худяков установил, что Фомин и Домбровский должны были делать доклады в одно время – от 19 до 20 часов, правда, если первый – обязательные ежедневные, то второй – по мере надобности¹⁷⁹. Первоначально Управление коменданта Одессы имело и свой особый отдел, независимый от отдела Фомина. Однако 22 апреля 1919 года при вступлении командарма Худякова в должность начальника гарнизона и подчинения ему коменданта отдел был расформирован с переданием дел о военнослужащих в военнотрибунальный отдел при губвоенкомате и в армейский трибунал, а дела о прочих лицах – в отдел юстиции местного губисполкома. За комендатурой было оставлено только следственное отделение¹⁸⁰.

Фомин вспоминал:

«Зазвонил телефон. Я сразу узнал голос Домбровского:
– Товарищ Фомин, вы слышали?! Убит Матьяш! Это ужасно!
– Убийцы схвачены? – спросил я.
– Нет, их упустили. Свидетели утверждают, что одеты они были по-кавказски. Это вздор!
– Как так вздор?

¹⁷⁷ Маргулис В. Указ. соч. С. 170–171.

¹⁷⁸ Нежный И. В. Былое перед глазами. М., 1965. С. 88.

¹⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 697. Л. 26.

¹⁸⁰ Там же. Л. 3, 85.

– Я не знаю, как там все происходило. Но тень падает на мой отряд, который никакого отношения не имеет к этому происшествию, – горячо говорил Домбровский»¹⁸¹.

Гибель помощника коменданта Михаила Матяша и расследование ее причин нашли отражение в «Окаянных днях» Ивана Бунина:

«26 мая.

„Союз пекарей извещает о трагической смерти стойкого борца за царство социализма пекаря Матяша...“ Некрологи, статьи: „Ушел еще один... Не стало Матяша... Стойкий, сильный, светлый... У гроба – знамена всех секций пекарей... Гроб утопает в цветах... День и ночь у гроба почетный караул...“

31 мая.

Статейка „Терновый венец“: „Поплыл по рабочим липкий и жестокий слух: „Матяша убили!“ Гневно сжимались мозолистые руки и уже хрипло доносились крики: „Око за око! Мстить!“

Оказалось, однако, что Матяш застрелился: „Не вынес кошмара обступившей его действительности... со всех сторон обступили его бандиты, воры, грабители, грязь, насилие... Следственная комиссия установила, что он осознал трудность работы среди бандитов, воров и мошенников...“ Оказалось, кроме того, „легкое опьянение“»¹⁸².

7 июня одесский орган левых эсеров «Знамя борьбы» поместил некролог о Михаиле Ивановиче Матяше. Революционную деятельность в рядах эсеров он начал в Одессе в 1905 году. Затем до 1909 года он состоял в военной организации партии во Владивостоке, после чего вернулся в Одессу и работал в профсоюзе пекарей. Летом 1918 года Матяш бежал из германского плена и вошел в состав левозеро-эсеровского комитета партии и нелегальный Совет рабочих депутатов, а после установления советской власти в апреле 1919 года стал членом Общегородского левозеро-эсеровского комитета и губисполкома.

Как произошло убийство Матяша? 6 июня Домбровский направил командующему 3-й Украинской армией рапорт, в котором описал обстоятельства этого происшествия:

«Дежурный по гарнизону тов. Лапин рапортом донес мне об обстоятельствах, при которых последовало самоубийство помощника моего тов. Матяша. Приехав с проверки караулов в 23 часа 5 июня в здание управления, тов. Лапин, услышав выстрел, не обратил на это внимания и прошел в караульный отдел.

Здесь ему сообщили, что его требует к себе помощник коменданта тов. Матяш, и когда тов. Лапин поднялся вверх в кабинет коменданта, то застал следующую картину: тов. Матяш с раной в голове сидел на корточках у стола, и его поддерживал тов. Белов. По показанию присутствовавших там командира б-на особого назначения тов. Корниенко и его помощника тов. Авдеева, самоубийство тов. Матяша произошло при следующих обстоятельствах: тов. Матяш обозвал сотрудника уголовно-следственного отдела тов. Милана провокатором и сволочью, на что тов. Милан сказал ему, что он призывает его к партийному суду. Тогда тов. Матяш выхватил револьвер и, размахивая им во все стороны, стал кричать: „Я вас (нецензурная фраза) призываю к порядку“. Тов. Корниенко вновь предложил

¹⁸¹ А главное – верность. Одесса, 1987. С. 33.

¹⁸² Бунин И. А. Указ. соч. С. 103, 105, 106.

тов. Матяшу положить револьвер. Но Матяш, ударив револьвером по столу, направил его дулом к себе. При этом все остальные присутствующие разбежались и, не успев оглядеться, все услышали выстрел. Коим тов. Матяш ранил себя в голову навывлет. Смерть последовала моментально. На место происшествия прибыл народный следователь, которому были даны присутствовавшими лицами показания. Об изложенном доношу. Военкомендант Домбровский»¹⁸³.

Отметим, что Милан призывал Матяша (его фамилия правильнее писалась как Матьяш) не к большевистскому, а эсеровскому суду, поскольку оба состояли именно в этой партии.

Арест Домбровского, согласно воспоминаниям Фомина, произвел по распоряжению последнего замначальника особого отдела Аркадий Кушнарев, а сотрудники и бойцы этого органа разоружили отряд Домбровского¹⁸⁴. Складывается впечатление что свою роль в разоблачении Домбровского, а особистов – в разоружении его отряда Фомин в мемуарах несколько преувеличил. Вероятно, арест действительно был произведен Кушнаревым, и несомненно то, что начальник контрразведки 3-й Украинской армии руководил следствием по делу бывшего коменданта Одессы: в местной печати в тот период проходило сообщение об утверждении Фоминым заключения по делу Домбровского, и одним из следователем по нему был особист Ахметов (по всей видимости, речь шла о Михаиле Константиновиче Ахметове (Гуровиче), члене партии с 1916 года, позднее некоторое время возглавлявшем Харьковскую ЧК). Но вот из имеющихся в нашем распоряжении материалов напрашивается вывод, что, в отличие от следственных действий, оперативная разработка Домбровского, приведшая к его разоблачению, велась не контрразведчиками, а штабными сотрудниками. Так, Игорь Шкляев пишет, что общегородской комитет КП(б)У 17 мая 1919 г. рекомендовал «назначить помощником коменданта г. Одессы т. Глебова-Дубровина, как коммуниста и вполне ответственного работника». Правда, он тут же добавляет, что он был чекистом, в качестве которого имел особое задание по наблюдению за действиями коменданта города и порта¹⁸⁵.

Однако из имеющихся в нашем распоряжении биографических данных Глебова-Дубровина из трех источников¹⁸⁶ видно, что во время операции по Домбровскому он действовал по линии не Одесской ЧК или особого отдела, а штаба 3-й Украинской армии (перед этим он еще успел побывать политработником Высшей военной инспекции Украины), то есть это была сугубо армейская операция. По ее окончании Глебов-Дубровин займется формированием карательного отряда особого назначения при Одесском уездном исполкоме, занимавшегося подавлением крестьянских восстаний. В чекистских органах он работал несколькими месяцами раньше, но отнюдь не в Одессе, а в Курске – в качестве инструктора ВЧК. В Одесской же ЧК Глебов-Дубровин действительно станет работать, но это будет позже – весной 1920 года. По возвращении из Москвы (где он находился на политической и военной работе) его сначала назначат на низовую должность разведчика, вскоре переведут в помощники уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Секретно-оперативного отдела, а 24 мая того же года – и в уполномоченные. В последнем качестве Глебов-Дубровин станет вести разработку разведывательной организации Василия Шульгина «Азбука». Прослужит

¹⁸³ РГВА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 7. Л. 354. Частично опубликовано: Шкляев И. Н. История Одесской губЧК. 1917–1922 гг. Монография. Одесса, 2002. С. 47.

¹⁸⁴ А главное – верность. С. 33–34.

¹⁸⁵ Шкляев И. Н. История Одесской губЧК. С. 46.

¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 643; РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 22; Брыгин Н. А. Канва к биографии (рукопись). Материал предоставлен Н. В. Барбашиным.

в Губчека он 2,5 года, затем еще полгода – в военной разведке Украины, а затем фактически вернется на свое первое, еще дореволюционное место работы – Черноморский флот, где в Одессе будет судовым механиком, штурманом и капитаном. В этом же городе в 1946 году он скончается, и прочитать мемуары Фомина ему уже не удастся.

Следствие по делу Домбровского специальной комиссией в составе начальника след-части Особого отдела 3-й армии Ахметова, заведующего юротделом Одесской ЧК Окунева и представителя губисполкома Чарского велось неделю с момента ареста (который, что весьма любопытно, он отбывал в Одессе, у себя на дому), а еще спустя 3 дня подписанное всеми тремя следователями заключение было опубликовано в одесских газетах. Вот что в нем говорилось:

«Документальными данными, имеющимися в следственном производстве, гражданин Домбровский уличается:

1) В превышении власти, выразившемся в том, что он, состоя в должности коменданта города и порта, проводил в жизнь мероприятия, состоящие вне его компетенции как коменданта, причем каких-либо особых полномочий на указанные действия гражданин Домбровский не имел.

2) В бездействии власти, заключающемся в том, что он, Домбровский, предоставил своим сотрудникам широкую возможность самостоятельной деятельности и личного разрешения вопросов по делам комендатуры, не установив достаточно строгого контроля за этой работой, следствием чего явились самочинные производства реквизиций без достаточных к тому законных оснований. У комендантского отряда, служащие которого, не чувствуя над собой твердой воли и надлежащего руководства своего старшего товарища – начальника Домбровского, распустились до того, что их поступки зачастую принимали уголовно-преступный характер.

Обстановка личной жизни и поведения Домбровского характеризуют его как человека слабохарактерного, безвольного, чуждого интересам рабочих и крестьян, далекого от классового пролетарского движения (все вместе – черты характера, социальная ориентация! – **О. К.**), представителем которого он должен был являться на посту коменданта города.

Ввиду изложенного следственная комиссия, находя правильным постановление одесского исполкома об устранении Домбровского от должности коменданта города, со своей стороны полагает, что гр. Домбровский кроме удаления от службы подлежит еще преданию суду.

В то же время комиссия считает своим делом отметить, что преступления, учиненные Домбровским, совершены без всяких корыстных целей в городе, где провокация и контрреволюция свили себе прочное гнездо, а потому во многих случаях действия Домбровского могут найти себе оправдание в условиях момента (интересно, в каких именно случаях. – **О. К.**). Посему комиссия полагает, что при наложении на гражданина Домбровского наказания ему должно быть оказано возможное снисхождение.

Основанием для настоящего заключения послужил материал, добытый следственной комиссией на месте в г. Одессе. При объективном рассмотрении его следственная комиссия усмотрела, что со стороны многих руководящих органов г. Одессы замечается пристрастное отношение к настоящему делу и личности обвиняемого Домбровского, и потому, в целях вынесения справедливого и объективного решения по настоящему делу, комиссия полагает все производство с материалами и обвиняемым гр.

Домбровским препроводить в г. Киев на распоряжение центральной власти Украинской советской социалистической республики.

Настоящее заключение следственная комиссия постановила препроводить на окончательное обсуждение и заключение начальнику особого отдела 3-й У. С. Кр. армии т. Фомину»¹⁸⁷.

Что же касается арестованных сотрудников Домбровского – Фрадкина и Шульги, – следственная комиссия постановила производство по делу Фрадкина приостановить до получения результатов ревизии, принятую в отношении Фрадкина меру пресечения (личное задержание) изменить, заменив ее на подписку о невыезде, а Шульгу за отсутствием состава преступления от наказания и задержания освободить вообще.

¹⁸⁷ Маргулис В. Указ. соч. С. 204–206.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.